

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Тольяттинский государственный университет»

Институт права

(наименование института полностью)

Кафедра «Уголовное право и процесс»

(наименование)

40.05.02 Правоохранительная деятельность

(код и наименование направлению подготовки, специальности)

Оперативно-розыскная деятельность

((направленность (профиль) / специализация)

**ВЫПУСКНАЯ КВАЛИФИКАЦИОННАЯ РАБОТА
(ДИПЛОМНАЯ РАБОТА)**

на тему «Защитительная речь адвоката: значение и содержание»

Студент

А.А. Пичугина

(И.О. Фамилия)

(личная подпись)

Руководитель

канд. юрид. наук, доцент, С.В. Юношев

(ученая степень, звание, И.О. Фамилия)

Тольятти 2020

Аннотация

Актуальность исследования. В отличие от вершин судоговорения второй половины 19 – начала 20 веков уровень судебных речей на современном этапе нельзя признать даже удовлетворительным. Выступление с речью в судебном процессе – один из самых сложных и ответственных моментов участия сторон и других лиц в уголовном судопроизводстве. Никакой другой вид процессуальной деятельности не предъявляет к ним столько многообразных и разносторонних требований, не нуждается в столь тщательной и углубленной подготовке, как произнесение судебной речи.

Цель исследования - системный анализ деятельности адвоката в уголовном процессе и квинтэссенции работы адвоката – защитительной речи.

Задачи исследования:

- охарактеризовать основы правового статуса защитника в уголовном процессе;
- рассмотреть правомочия и обязанности защитника в уголовном процессе;
- дать понятие, рассмотреть сущность и правила собирания защитником доказательств в уголовном процессе;
- проанализировать особенности разработки адвокатом защитительной речи по уголовному делу;
- провести анализ факторов, влияющих на эффективность разработки и произнесения защитительной речи адвоката по уголовному делу.

Структура исследования обусловлена его целями и задачами и включает: введение, три главы, разделенные на семь параграфов, заключение и список используемой литературы и используемых источников.

Оглавление

Введение	4
Глава 1 Защитительная речь как средство защиты по уголовным делам	7
1.1 Значение защитительной речи в состязательном уголовном судопроизводстве	7
1.2 Структура и содержание защитительной речи	18
1.3 Особенности защитительной речи в суде присяжных	24
Глава 2 Подготовка и произнесение защитительной речи	31
2.1 Подготовка защитительной речи	31
2.2 Произнесение защитительной речи	47
Глава 3 Проблемные аспекты защитительной речи	54
3.1 Анализ типовых ошибок в структуре и содержании защитительных речей	54
3.2 Анализ влияния защитительной речи на итоговое судебное решение	59
Заключение	65
Список используемой литературы и используемых источников	69

Введение

Актуальность исследования. В отличие от вершин судоговорения второй половины 19 – начала 20 веков уровень судебных речей на современном этапе нельзя признать даже удовлетворительным. И это при том широко известном обстоятельстве, что действительно высокое судебное красноречие зачастую прямо влияло на исход рассмотрения самых различных уголовных дел – от мелких бытовых до острых политических, чему служат примерами речи выдающихся ораторов прошлого - П.А. Александрова, С.А. Андреевского, В.И. Жуковского, П.П. Карабчевского, Ф.Н. Плевако, В.Д. Спасовича, А.И. Урусова. И сегодня их речи – это образцы непревзойденного ораторского искусства и виртуозной работы по уголовным делам.

Кроме того, совершенно обоснованно признается, что участие в судебных прениях было и остается одним из наиболее сложных профессиональных навыков юриста. Трудно представить себе иной вид судебной деятельности, где так явно и выпукло демонстрировались бы все сильные и слабые стороны участника судопроизводства.

Следует отметить, что все больший вес значению судебной речи придает факт возрождения и расширения производства с участием присяжных заседателей. Как известно, с 1 июня 2018 года деятельность суда присяжных распространена и на районные суды. Не подлежит какому-либо сомнению, что в суде с участием подлинно народного элемента, каковыми выступают присяжные заседатели, ораторское мастерство юриста приобретает неизмеримо большее значение, чем при обычном порядке судопроизводства с участием исключительно профессиональных судей.

Таким образом, значение защитительной речи в условиях современности весьма значительно. Более того, именно защитительная речь во многом служит наглядным выражением состязательности уголовного судопроизводства, равно как и фактической реализацией гарантированного

Конституцией РФ права на защиту и квалифицированную юридическую помощь.

Таким образом, как в целом, так и в части выступления с защитительной речью, деятельность адвоката – защитника представляет наиболее значительную из процессуальных гарантий прав и свобод личности, вовлеченной в орбиту уголовного судопроизводства.

Объектом исследования является адвокатская деятельность в рамках уголовного судопроизводства Российской Федерации

Предмет исследования – особенности разработки и произнесения защитительной речи адвоката.

Цель исследования - системный анализ деятельности адвоката в уголовном процессе и квинтэссенции работы адвоката – защитительной речи.

Задачи исследования. Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие задачи:

- охарактеризовать основы правового статуса защитника в уголовном процессе;
- рассмотреть правомочия и обязанности защитника в уголовном процессе;
- дать понятие, рассмотреть сущность и правила собирания защитником доказательств в уголовном процессе;
- проанализировать особенности разработки адвокатом защитительной речи по уголовному делу;
- провести анализ факторов, влияющих на эффективность разработки и произнесения защитительной речи адвоката по уголовному делу.

Методология и теоретико-правовая основа исследования. Методологическую основу исследования составил комплекс методов научного познания. При написании дипломной работы использовался диалектический метод познания, позволяющий исследовать основные этапы становления, развития и реформирования процессуальной деятельности адвоката в рамках судебных прений. Применялся метод объективного и

всестороннего анализа защитительных речей адвокатов с учетом конкретной исторической обстановки и совокупности социально-политических, экономических и правовых факторов, оказывающих влияние на эффективность и качество их выступления. Системный метод исследования позволил определить природу место и роль защитительной речи в системе судебного разбирательства. Формально-логические методы исследования позволили наметить подходы и пути совершенствования уголовно-процессуальной деятельности защитника.

Нормативно-правовой основой исследования являются Конституция Российской Федерации, Уголовный кодекс РФ, Уголовно-процессуальный кодекс РФ, Федеральный конституционный закон от 7 февраля 2011 г. № 1-ФКЗ «О судах общей юрисдикции в Российской Федерации», Федеральный конституционный закон от 31 декабря 1996 г. № 1-ФКЗ «О судебной системе Российской Федерации» и другие.

Научной основой работы являются труды таких авторов, как Б.Т. Безлепкин, А.В. Гриненко, Ю.А. Костанов, С.А. Невский, А.С. Подшибякин, И.Л. Трунова, В.А. Семенцов и других.

Эмпирической основой исследования является изучение защитительных речей, находящихся в открытом доступе в сети Интернет, а также протоколов судебных заседаний по уголовным делам.

Структура исследования обусловлена его целями и задачами и включает: введение, три главы, разделенные на семь параграфов, заключение и список используемой литературы и используемых источников.

Глава 1 Защитительная речь как средство защиты по уголовным делам

1.1 Значение защитительной речи в состязательном уголовном судопроизводстве

В ст. 48 Конституции РФ [32] закреплено право любого гражданина получить квалифицированную юридическую помощь, представляющее собой одну из самых значимых гарантий обеспечения законных интересов личности. Некоторые аспекты данного конституционного положения остаются нереализованными в области уголовного судопроизводства в силу его масштабности.

В уголовном процессе адвокат в соответствии с положениями статьи 6 ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» [55] (далее - Закон об адвокатуре) может принять участие в двух принципиально несовместимых процессуальных статусах - либо защитника подозреваемого или обвиняемого, либо представителя некоторых иных участников уголовного судопроизводства, например, потерпевшего, гражданских истца и ответчика и иных. Оговоримся, эти понятия в уголовном судопроизводстве имеют совершенно особое, отличное от иных сфер деятельности, сугубо процессуальное значение.

Такому термину, как «защита» придаётся двойственный смысл: в общеправовом, широком, смысле защита представляет собой процесс отстаивания прав, свобод и законных интересов любого лица, в каком бы правовом положении данное лицо ни находилось; в узком же, т.е. отраслевом значении данный термин связан исключительно с одним лицом – тем, которое подвергается уголовному преследованию и является подозреваемым либо обвиняемым по уголовному делу.

Защиту в общеправовом смысле трактует, например, статья 46 Конституции Российской Федерации, гласящая, что «каждому гарантируется

судебная защита его прав и свобод». О функциях адвоката в данном аспекте можно судить как о функциях представителя своего доверителя – не только обвиняемого, но также свидетеля, потерпевшего и пр., поскольку право на защиту его интересов есть у любого лица.

В уголовном же процессе, исходя из его специфики, указанной выше, термин «защита», как и связанные с ним понятия, обозначает «совокупность действий, мер и усилий, противопоставленных уголовному преследованию; в данном случае защита на практике состоит в объединённом противодействии самого защитника и лица, которого он защищает (подозреваемого, обвиняемого) выдвинутому против последнего тезису подозрения (обвинения) при помощи любых способов и средств, не запрещённых действующим законодательством. В существующих нормах уголовно-процессуального законодательства (ст.ст. 15, 16, 46, 47, 49 – 53 и другие Уголовно-процессуального кодекса РФ (далее - УПК РФ) термины «защита» и «защитник» употребляются именно в этом, узкоспециальном, смысле» [18, с. 16].

Функции адвоката, который в процессе по уголовному делу выступает в качестве представителя, также наделены рядом особенностей. Правом на представителя (следует отличать данный статус от статуса законного представителя), в соответствии со статьями 45 и 55 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, обладают только следующие участники судебного процесса: гражданский истец, гражданский ответчик, потерпевший и частный обвинитель. Данные субъекты вправе как персонально осуществлять свои права, так и делегировать их другому лицу - представителю, берущему на себя в данном случае, фактически, функцию замещения своего доверителя; этим обусловлено то, что представитель, в соответствии с ч. 3 ст. 45 и ч. 2 ст. 55 УПК РФ, пользуется теми же полномочиями, что и тот, кого он представляет.

Как представляется, представительство – с одной стороны, и защита – с другой, в первую очередь востребованы для оказания юридической помощи

тем участникам уголовного судопроизводства, что имеют в деле так называемый личный интерес (в отличие от интереса представляемого или процессуального). При производстве по любому уголовному делу в первую очередь ставится под угрозу нарушения личные и/или имущественные права следующих субъектов: потерпевшего, подозреваемого, обвиняемого, частного обвинителя, гражданского истца и гражданского ответчика. Для реальной защиты своих интересов от потенциального их нарушения все эти лица не должны ограничиваться пассивным наблюдением за ходом реализации своих прав, но активно добиваться их соблюдения и восстановления в случае их нарушения действиями, бездействием или решением уполномоченных органов или должностных лиц. С этой целью и с учетом специфики процессуальной роли каждого из них, уголовно-процессуальное законодательство предоставляет им действительно широкие возможности в отстаивании своих интересов (ст.ст. 46, 47, 42, 43, 44, 54 УПК РФ). Вместе с тем, совершенно очевидно, что законодательное закрепление подобных процессуальных возможностей как таковых и их фактическая реализация в рамках конкретного уголовного дела – это абсолютно разные явления, далеко стоящие друг от друга. Для того чтобы процессуальная возможность приобрела характер своей фактической реализации в современном крайне сложном и регламентированном от и до уголовном судопроизводстве, без профессиональной юридической помощи обойтись действительно невозможно. Этой задаче и служит фигура адвоката – защитника и адвоката – представителя.

Помимо вышеназванных субъектов процесса, имеющих в уголовном деле собственный личный интерес, существует большая группа участников, чей интерес может быть охарактеризован как процессуальный. Само производство по делу при надлежащем его течении не должно ставить под угрозу права и законные интересы таких участников как свидетель, заявитель, переводчик и других. Но так бывает только в идеальной схеме. В практической деятельности же нарушения прав подобных участников случаются весьма

часто. Классический пример, когда лицо из статуса свидетеля очень быстро перемещается в статус подозреваемого или обвиняемого. Применительно к возможности нарушения прав и законных интересов названных лиц следует помнить, что ст. 48 Конституции РФ гарантирует право на квалифицированную юридическую помощь «каждому» лицу. А значит и эти лица такое право имеют во всяком случае, независимо от их фактического желания воспользоваться таким правом или же не воспользоваться.

В Уголовно-процессуальном кодексе РФ чётко определено, что лицом, которое наделяется полномочиями в плане предоставления юридической помощи перечисленным лицам, может являться только адвокат. Собственно, в УПК РФ адвокат упоминается только в связи с тремя участниками процесса, а именно: свидетелем (согласно п. 6 ч. 4 ст. 56 и ч. 5 ст. 189), лицом, в чьём помещении проводится обыск (согласно ч. 4 ст. 182), лицами, реализующими предоставленные им процессуальные права на стадии возбуждения уголовного дела (ч. 1.1 ст. 144).

Законом об адвокатуре регламентируется профессиональный, т.е. общеправовой статус адвоката; полномочия, указанные в ст. 6 Закона, предоставляются любому адвокату, просто постольку, поскольку адвокат как профессиональный советчик по правовым вопросам занимается оказанием квалифицированной юридической помощи. Адвокат, принимающий участие при производстве по уголовному делу, имеет все полномочия адвоката, предоставленные ему законом, независимо от своего узкого процессуального статуса (защитника, представителя, адвоката свидетеля и т.д.). В практической деятельности адвоката такая двоякая правовая регламентация его статуса означает, что он во всяком случае пользуется своими общеправовыми правами вне зависимости от особенностей регламентации его процессуального статуса в кодифицированных процессуальных актах, например, в УПК РФ.

Предоставленные частью 3 статьи 6 Закона об адвокатуре полномочия адвоката разбиваются на четыре относительно самостоятельные группы:

- а) право собирать и представлять в интересах доверителя информацию посредством:
 - 1) истребования различных документов и предметов;
 - 2) опроса лица (с его согласия);
 - 3) привлечения специалиста для проведения экспертизы;
- б) право на проведение беспрепятственных встреч с доверителем, которые могут осуществляться сколь угодно часто и быть сколь угодно продолжительными (за исключением предусмотренной УПК РФ возможности ограничения их продолжительности в исключительных случаях), и которые должны проходить в условиях, обеспечивающих их конфиденциальный характер;
- в) право на фиксирование материалов, включая изготовление копий документов при помощи различных технических средств, доступных (согласно закону) для адвоката на текущий момент процессуальной деятельности;
- г) право на совершение в интересах доверителя прочих действий, которые не запрещены действующим законодательством.

Повторимся, что все эти правомочия предоставлены законом адвокату как таковому, то есть любому лицу, наделенным этим статусом. Совсем иное в процессуальном законодательстве. Так, в соответствии с действующим уголовно-процессуальным законом все эти полномочия в полной мере предоставлены лишь защитнику (ст.ст. 53 и 86 УПК РФ), но не адвокату-представителю или, например, адвокату свидетеля или адвокату лица, в чьем помещении производится обыск. Подобную процессуальную регламентацию нельзя признать оправданной, на практике она приводит к разного рода коллизиям в определении конкретных правомочий адвокатов с различным процессуальным статусом.

Если адвокат сталкивается с попытками фактического ограничения его процессуальных прав по этим основаниям, он со ссылкой на ст. 6 Закона об адвокатуре должен убедить управомоченное должностное лицо в наличии у

него необходимых ему прав в точном соответствии с законом. К подобным оспариваемым правам могут относиться, например, право на обращение к специалисту и получению от него заключения, которое в дальнейшем может служить доказательством по делу, или право знакомиться с материалами уголовного дела с использованием технических средств.

Такое нетерпимое положение вещей на самом деле является прямым результатом несогласованности между собой положений различных законодательных актов, в данном случае Уголовно-процессуального кодекса РФ и Закона об адвокатуре. И тем не менее, любые законодательные огрехи и упущения не могут никоим негативным образом сказываться на реализации прав адвоката, поскольку свои права адвокат использует даже не в собственных интересах, а для отстаивания прав и законных интересов своих доверителей. А.В. Закомолдин обращает внимание, что «здесь ключевым моментом является сам факт осведомлённости адвоката в отношении предоставленных ему Законом об адвокатуре возможностях, а также его навыков в применении данных возможностей с целью отстаивания интересов своего доверителя» [23, с. 127].

Оптимизация действующего Уголовно-процессуального кодекса РФ, конечно, подразумевает внесение в него соответствующих корректировок, имеющих целью чётко и в полной мере регламентировать статус адвоката свидетеля; причём значительных усилий это не потребует, будет достаточно объединить предусмотренные ст. 6 Закона об адвокатуре адвокатские полномочия с установленными УПК РФ полномочиями адвоката свидетеля, при одном существенном уточнении: адвокат-консультант пользуется указанными правами не только в ходе допроса, но также при осуществлении его доверителя любых процессуальных действий.

Далее обратимся к значению защитительной речи адвоката.

Положение, закрепляющее осуществление судопроизводство на принципах состязательности и равноправия сторон, изложены в статье 15 Уголовно-процессуального кодекса РФ, а также в статье 23 Конституции

Российской Федерации. Состязательность предполагает возможность исследования обстоятельств дела в результате спора. Принцип состязательности возникает только при наличии правового конфликта: «когда сторона обвинения, реализуя предоставленные законом государственные полномочия, осуществляет расследование обстоятельств преступного деяния, а защита, следуя своему процессуальному предназначению, опровергает доводы обвинения» [41, с. 189-190]. Доказательство - это главное средство, с помощью которого устанавливаются объективные обстоятельства дела. А также доказательство является единственным средством, позволяющим установить обстоятельства, подлежащие доказыванию.

Одним из элементов реализации принципа состязательности в уголовном процессе является один из этапов судебного разбирательства, а именно прения представителей сторон защиты и обвинения. Статья 292 УПК РФ закрепляет, что состав судебных прений заключается в речах: государственного обвинителя, гражданских истца и ответчика (либо их представителей), потерпевшего по делу частного обвинения (либо его представителя), защитника или самого подсудимого, в случае, если в судебном заседании не участвует защитник. В ходе данных прений стороны получают возможность самым отчётливым образом проявить убеждённость в правоте своей позиции, в силу чего речь базируется на максимально убедительных аргументах той или иной стороны. Специалисты отмечают, что «в своих выступлениях участники не только излагают свои соображения по делу, но и стремятся убедить суд в своей правоте, в правильности своих выводов. Основными участниками прений являются обвинитель и защитник либо подсудимый при отсутствии защитника» [8, с. 119].

В рамках состязательности судебные прения – это выступления сторон, основополагающее место в которых занимает деятельность по подготовке и произнесению обвинительной речи прокурора и защитительной речи адвоката.

Г.И. Загорский определяет, что судебные прения сторон состоят из выступления обвинения и защиты, в случае, когда судебное заседание проходит без участия защитника, речь в прениях произносит подсудимый. В данном этапе судебного производства также могут участвовать потерпевший и представитель потерпевшего, а также об участии в судебных прениях сторон могут ходатайствовать гражданский истец, гражданский ответчик, их представители и подсудимый [22, с. 249]. В указанном выше определении судебные прения представляются как участие сторон с речами. На мой взгляд, выступление в прениях является наиболее активной деятельностью сторон, потому что именно на этом этапе судебного разбирательства по уголовному делу стороны имеют возможность, проведя анализ всех обстоятельств дела с разных позиций, способствовать формированию внутреннего убеждения судей, объективной оценке приобщенных доказательств, а значит, постановлению судом законного и обоснованного приговора.

Адвокат на стороне защиты, который выступает в прениях сторон, произносит речь, именуемую «защитительной речью». Это вид судебной речи. Согласно определению Т.Л. Живулиной и С.В. Травина «судебная речь - это публичное выступление, которое представляет собой изложение выводов оратора по конкретному делу и его возражения оппоненту» [25, с. 110].

Многие ученые-процессуалисты считают, что участие в прениях «это самая важная и вместе с тем самая сложная часть работы защитника в судебном заседании по уголовному делу» [28, с. 242]. Адресат защитительной речи строго определяется в статье 292 УПК РФ, и, разумеется, это не сторонняя публика в зале судебного заседания. В большинстве случаев, это суд или судья, рассматривающий дело единолично, в некоторых случаях, это присяжные заседатели. Очевидно, что в зависимости от адресата защитительной речи адвокат обязан строить свое выступление по-разному: когда дело рассматривает профессиональный судья, речь должна содержать подобный анализ дела, а перед присяжными заседателями защитнику следует

готовить речь более образно без большого количества профессиональных терминов.

Так как защитительная речь является своего рода апогеем всей работы защитника в рамках уголовного процесса, то и значение выступления адвоката в прениях сторон непосредственно связано со значением его деятельности во всем уголовном процессе: оказание юридической помощи подсудимому, защита его прав и законных интересов, опровержение необоснованного обвинения либо смягчение ответственности. Именно защитительная речь является завещающим элементом всех ранее проведенной адвокатом работы. Выступая в прениях сторон, защитник должен подвергнуть самому тщательному анализу собранную по делу совокупность доказательств, дать собственную оценку всем значимым обстоятельствам дела, довести до суда свои выводы относительно доказанности вмененного его подзащитному обвинения, законности квалификации деяния, дальнейшей судьбы гражданского иска, характера и размера наказания, а равно всех иных вопросов, входящих в круг обстоятельств, подлежащих доказыванию (ст. 73 УПК РФ) и разрешаемых судом при постановлении приговора (ст. 299 УПК РФ).

Как справедливо отмечается в юридической литературе, «посредством участия в прениях сторон по уголовному делу, защитник имеет возможность развернуто критиковать версию обвинения и высказывать перед судом свои доводы, которые говорят в пользу его подзащитного. Не стоит забывать, что, затрагивая острые вопросы, защитник должен понимать, что критика ценна только в случае ее правдивости. Равно как и всей деятельности адвоката в судебном процессе цель защитительной речи – это убедить суд в правильности позиции защиты, склонить к наиболее благоприятному для подзащитного решению» [1, с. 349].

«Следствием судебных прений по уголовному делу становится ряд важных моментов: спорные детали дела обсуждаются сторонами в режиме реального времени; подвергаются юридическому анализу все собранные по

делу доказательства; каждый участник процесса получает возможность обосновать собственную позицию и предъявить противной стороне свои контраргументы» [9, с. 136]. Результатом всего перечисленного является то, что суду становится проще выявить объективные обстоятельства дела и, как следствие, вынести верное решение либо справедливый, обоснованный и законный приговор. При этом представляется очевидным, что процесс формирования у судей внутреннего убеждения начинается задолго до начала судебных прений, в ходе судебного следствия. «Судьи определяют своё личное отношение к участникам процесса и к уголовному делу в целом, исследуя объекты доказательной базы, знакомясь с экспертными заключениями, заслушивая показания допрашиваемых лиц, как-то: подсудимого, потерпевшего, истца, ответчика, третьих лиц, свидетелей, а также осуществляя другие судебные действия по выяснению обстоятельств дела. Однако выводы судей на данном этапе еще нельзя назвать окончательными – когда судебное следствие завершено, начинается процесс систематизации и осмысления полученных данных, при одновременной дифференциации фактов на бесспорно установленные участниками дела и опровергнутые ими» [10, с. 23-24]. Одновременно с этим формулируются возникшие у судей вопросы, ответы на которые они в некоторых случаях могут обнаружить в защитительной речи адвоката, иногда подтверждая тем самым собственные, ещё не вполне сформулированные выводы.

В доказывании пределы участников судебных прений не совпадают: тогда как задача обвинителя состоит в доказывании вины подсудимого, задача защитника несколько уже; в его обязанности входит, при отсутствии доказанности невиновности подсудимого, настаивать на его оправдании на основании отсутствия несомненных подтверждений виновности. Пределы доказывания, в которых действует защитник, тем более не подразумевают каких-либо его действий по выявлению истинного виновника по делу и обоснованию виновности последнего – то есть «адвокат должен только доказать, что невиновным является именно его подзащитный» [51, с. 229].

Та задача защитника, которую он осуществляет в рамках защитительной речи, в полной мере соответствует задачам самого суда. Здесь мы подразумеваем, что суд не может и не должен преследовать такую цель, как обязательное осуждение подсудимого и вынесение исключительно обвинительного приговора, не имея для того исчерпывающих доказательств, полностью исключающих возможность сомнений; и в данном аспекте позиция суда полностью совпадает с позицией защитника. С другой стороны, защитник не может и не должен преследовать цель добиться оправдания лица, используя для этого любые способы и средства, в том числе прямо запрещенные законом, например, фальсификацию доказательств. Защитник должен использовать лишь законные приёмы защиты. Однако критерий законности используемых защитой средств определяется максимально широко. Широко известна максима, действующая для адвокатов при решении подобных вопросов: «Разрешено все, что прямо не запрещено законом» [11, с. 7].

В задачи суда входят: корректная оценка деяния с юридической точки зрения, верная квалификация деяния, применение действующего законодательства в соответствии с конкретным случаем; и с данной точки зрения, задача защитника с задачей суда также не расходится – защитник не может и не должен в интересах подсудимого пытаться склонять суд к неверному применению законов либо применению закона, не подлежащего применению в данном конкретном случае.

По результатам рассмотрения значения в судебных прениях защитительной речи адвоката можно согласиться с точкой зрения Л.А. Демидова, что «судебные прения не принимали бы форму полемики без присутствия противоположной точки зрения и без произнесения оппонентом судебной речи. В силу этого судопроизводство невозможно без защитительной речи адвоката – обстоятельства деяния могут быть установлены только в ходе произнесения судебных речей, включая речь защитника; и только при таком судопроизводстве становится возможен обоснованный и законный приговор» [19, с. 326].

1.2 Структура и содержание защитительной речи

Структура судебной речи может быть условно разделена на следующие равнозначные уровни: артикуляционный, под которым подразумевается моторика речи, соблюдение правил редукции и орфоэпии, отчетливость произношения звуков правила обращения с диалектными звуками и т.д.; грамматический, подразумевающий достаточность познаний в области языка, на котором речь произносится, литературность речи, недопустимость просторечий и ненормативной лексики и т.д.; постановочный – артистичность, интеллигентность манер, ясность изложения, использование тональности и тембров речи в качестве выразительных средств, применение эмоциональной акцентуации, принятие во внимание специфики менталитета слушателей; и, наконец, содержательный [19, с. 182].

Хотя перечисленные уровни, как отмечалось выше, являются равнозначными, всё же содержанию судебной речи адвоката придается особое значение, поскольку именно в содержании устанавливаются сущность и анализ основных аргументов доказательственной базы защиты, причинно-следственные связи между различными фактами, а также прочие значимые составляющие воздействия защитника на суд.

Ключевое же место в содержании речи занимает убежденность адвоката в достоверности тех фактов, на которых основывается его речь и которые были конкретно установлены и исследованы в ходе судебного процесса. С.А. Андреевский в этой связи отмечал: «Я просто не способен к лживым изворотам, мой голос помимо моей воли выдаст меня, если я возьмусь развивать то, во что не верю. Я нахожу всякую неправду глупой, ненужной, уродливой, и мне как-то скучно с ней возиться. Я ни разу не сказал в суде слова, в котором не был бы убежден: В правде есть что-то развязывающее руки, естественное и прекрасное» [3, с. 305].

Защитительная речь адвоката в любом случае должна, кроме того, отталкиваться от того или иного ключевого вывода, «отправной точки» защиты. Именно этой «отправной точкой» определяется не только содержание речи, но также её структурирование и доли, уделённые в ней тем или иным составляющим; именно ключевой идее защиты должен подчиняться весь материал речи, именно она образует структурный центр и кульминацию данной речи.

Как правильно указывает Е.А. Матвиенко, «основываясь на конкретных обстоятельствах того или иного уголовного дела, защитник может руководствоваться в своих действиях одной из перечисленных ниже ключевых целей:

- оспаривание обвинения как такового и доказывание невиновности подсудимого, обусловленной отсутствием состава преступления в его действиях, либо собственно события преступления, либо непричастностью подсудимого к данному деянию;
- оспаривание обвинения в отдельных его частях;
- оспаривание корректности при данной обвинителем квалификации преступного деяния и доказывание необходимости изменить предъявленное обвинение с целью назначить подсудимому более мягкий вариант наказания;
- обоснование, при помощи приведения обстоятельств, смягчающих вину подсудимого, меньшей степени его ответственности;
- доказывание исключаяющей уголовное преследование невменяемости подсудимого» [37, с. 203-207].

В ходе выбора линии защиты и приведения суду соответствующей аргументации в интересах своего подзащитного адвокат ограничен в своих действиях одним важным условием – в случае отрицания подсудимым своей вины адвокат не имеет права считать, что отрицание лишено оснований; т.е. в данном случае адвокат лишается возможности предлагать суду смягчить наказание или переформулировать обвинение, иначе это противоречило бы

прямому назначению защиты и защитника (фактически, не соглашаясь в данном случае с подсудимым, защитник сам обвинил бы его). На защитника возлагается обязанность в любом случае произнести защитительную речь. Закон не допускает ситуации, при которой бы защитник имел бы правомерные основания для отказа от участия в судебных прениях. Такой отказ во всяком случае рассматривается как отказ от защиты со всеми вытекающими из этого процессуальными и дисциплинарными последствиями для адвоката.

В задачи защитника после начального определения позиции по рассматриваемому делу, входит установление перечня вопросов, которых необходимо коснуться в защитительной речи, их последовательности, доли каждого из них и соотношения между ними; в противном случае понимание речи может быть затруднено из-за её бессистемности, отсутствия в ней логических связей и пропорциональности, а это неизбежно ведёт к снижению убедительности данной речи и, как следствие, к сокращению шансов на благополучный для защиты исход дела. В ходе формирования защитительной речи адвокат следует, таким образом, опираться на логические законы и правила, определяющие такие элементы мышления, как суждения, понятия, умозаключения. Благодаря логической составляющей, защитительная речь приобретает такие качества, как цельность, обоснованность, последовательность, убедительность, наличие между определёнными её положениями естественной связи. Кроме того, знание логических законов и навыки их применения помогут адвокату не только избежать ошибок самому, но также обнаружить таковые в аргументации представителей противной стороны.

Во многом содержание и структура защитительной речи зависят от результатов судебного следствия, специфики доказательственной базы, характера предъявленного обвинения, и собственно позиции защиты. Защитнику необходимо четко определить по данному делу свою процессуальную позицию; он «не вправе вносить в суде альтернативные предложения, имеющие характер торга, как-то: в случае не оправдания

подсудимого (которого защита требует) назначить ему более мягкое наказание, переквалифицировать обвинение и прочее. Таким образом, защитник должен основываться только на одном выводе, сочетающем в себе соблюдение двух условий: во-первых, с позиции адвоката, данный вывод должен быть максимально близким к истине, во-вторых, он должен быть максимально благоприятен для подзащитного из всех возможных» [12, с. 196].

В адвокатской практике давно сформирован определенный стандарт построения защитительной речи, включающий в себя такие её составные части как: вступление, анализ фактов по делу, правовая оценка совершённого деяния, т.е. анализ юридической квалификации обвинения, предъявленного подсудимому, характеристика личности последнего и заключение.

В раздел «позиция по делу» включено изложение позиции по делу защитника, которая состоит в раскрытии юридической и фактической версий данного дела; при этом под юридической версией подразумевается то, что именно должен оспаривать защитник в составе преступления. Адвокатом предлагается собственный вариант того, как действия его подзащитного могут быть квалифицированы с юридической точки зрения. Адвокат, выбирая адекватную юридическую версию, стремится к максимально полному представлению в данной версии доказательств в пользу подзащитного и, напротив, к тому, чтобы в данной версии были минимизированы последствия признания виновности подзащитного.

Своеобразной отправной точкой речи является, конечно, вступление; здесь крайне важно найти правильное начало, т.к. именно им определяется, как будет восприниматься речь в целом. В защитительной речи именно удачное начало вызывает у слушателей интерес и содействует более глубокому и полному пониманию сказанного. Защитник, со своей стороны, видя со стороны суда и присутствующих искреннюю заинтересованность, способен преодолеть скованность и стеснение, обрести свободу, уверенность и чёткость речи, наполнить её необходимым эмоциональным содержанием. С другой стороны, вступление слабое, неудачное, с неправильно подобранным

тоном и темпом вызывает у слушателей ощущение отчуждённости и снижает интерес ко всей защитительной речи в целом. Разумеется, это обстоятельство негативно отражается и на произнесении, и на восприятии речи, существенно снижает её убедительность. Поэтому серьёзные сомнения внушают утверждения некоторых авторов о малой значимости вступления к защитительной речи; преувеличивать её важность, само собой, не стоит, но ошибкой будет также сведение её функции к роли своеобразной словесной «виньетки», практически не несущей смысловой нагрузки [44, с. 24-25].

Вступительная часть адвокатской речи должна быть органически увязана с ее содержанием в целом и составляла неотъемлемую часть указанного содержания; защитник должен предъявить суду не общие фразы и отвлеченные рассуждения, но деловой анализ конкретных собранных по делу фактов, а также чёткие и продуманные предложения.

Значимую составляющую защитительной речи представляет собой анализ обстоятельств настоящего дела, как фактических, так и юридических. Задача защитника заключается в проведении систематизации, под углом защиты, доказательств, собранных по делу, и представлении суду собственных выводов о том, можно ли считать доказанным обвинение, предъявленное подсудимому.

Давая характеристику личности подсудимого, защитнику необходимо составить как можно более полный и объективный его портрет, акцентируя при этом внимание на положительных чертах своего подзащитного. Характеризуя последнего в социально-психологическом плане, адвокат должен указать суду, в первую очередь, на обстоятельства, способные смягчить вину подсудимого, такие, как: возраст подсудимого (если он ещё не достиг совершеннолетия), состояние его здоровья, в случае первого совершения преступления – тот факт, что ранее он не был судим и т.д.; при этом следует отмечать только те факты, которые имеют значение для суда [35, с. 342]. Также в защитительной речи адвокат анализирует причины совершения преступления, данная часть судебной речи адвоката может иметь

место только в том случае, если подсудимый признает факт совершения общественно-опасного деяния.

Рассмотрение вопроса о применении наказания или освобождения от него, в том числе имеет место только при признании вины подсудимым. Смягчение наказания, как тема защитительной речи, предполагает акцентирование смягчающих обстоятельств, оспаривание отягчающих обстоятельств, рассмотрение сведений о личности подсудимого, условиях его жизни и воспитания, анализ причин и условий, способствовавших совершению преступления, провоцирующего поведения потерпевшего [49, с. 77].

В заключительной части защитительной судебной речи защитник резюмирует свою деятельность в области анализа и оценки доказательственной базы, формирует свои окончательные выводы по делу, определяет отношение к существу дела. Адвокат в этой части обращается непосредственно к суду с просьбой оправдать подзащитного (если факт его виновности не установлен несомненным образом) или с ходатайством о применении к нему наказания, не связанного, например, с фактическим лишением свободы, либо с просьбой об избрании минимально возможного наказания в пределах санкции соответствующей норма особенной части Уголовного кодекса РФ.

Как указывает в своих рекомендациях по судебной речи Н.Н. Ивакина, «заключительная часть любой судебной речи, как защитительной, так и обвинительной, призвана выразить основную идею одной из сторон, поэтому она должна быть краткой, чёткой и образной. В заключительной части резюмируется всё вышеизложенное, однако прямых повторов необходимо избегать» [26, с. 349].

В ходе формирования адвокатской судебной речи Л.Е. Владимиров советовал защитникам придерживаться изложенных ниже правил:

- в защитительной речи адвокат должен полностью раскрыть суду систему своей защиты и опровергнуть те положения стороны

обвинения, которые направлены против указанной системы. Если сам факт совершения преступленного деяния отрицается, речь будет строиться именно на опровержении тех оснований, на которых подсудимый был обвинён. И, с другой стороны, если подсудимый признаёт факт совершения преступления, и защита, соответственно, базируется на смягчающих вину обстоятельствах, приведших подзащитного к совершению преступного деяния (несчастном стечении обстоятельств, психическом заболевании, состоянии душевного волнения и т.п.), то защитительная речь должна складываться в соответствии с этим;

- в речи защитника, которая произносится по окончании судебного следствия, есть своя практическая система, состоящая в том, что пункты дела, от решения которых зависит его исход, постоянно излагаются; данную систему, сложившуюся на основе правоприменительной практики, можно назвать системой важнейших элементов судебного следствия. К тому времени, когда стороны произносят свои речи, мнение присяжных и судей уже имеет тот или иной уклон, но окончательно оно ещё не сформировалось. Поэтому как раз в этот момент адвокату необходимо проявить такие качества, как проницательность и решительность – т.е. предугадать мнение суда и то, на что оно опирается, а затем подкрепить его основу или, напротив, подорвать ее [35, с. 120-126].

1.3 Особенности защитительной речи в суде присяжных

Прения в суде присяжных в соответствии с УПК РФ также могут заключаться в речах обвинителя, потерпевшего (либо, по желанию – его представителя), гражданского истца, гражданского ответчика (либо их представителей, которые имеют право ходатайствовать об участии в суде) и,

наконец, адвоката и подсудимого. Подсудимый, при наличии защитника, вправе выступать в судебных прениях, в соответствии с частью 2 статьи 292 Уголовно-процессуального кодекса РФ в том случае, если он ходатайствовал об этом и суд удовлетворил соответствующее его ходатайство.

Прения сторон в судебном разбирательстве с участием присяжных заседателей согласно ст.ст. 336 и 347 УПК РФ происходят фактически дважды – непосредственно в тот момент, когда окончено судебное следствие, и затем – в ходе обсуждения последствий судебного вердикта.

Судебное следствие в суде присяжных начинается со вступительных заявлений государственного обвинителя и защитника, причём защитник в своём заявлении «указывает собственную позицию относительно предъявленных обвинений, согласованную с подзащитным и не во всех случаях полностью аналогичную будущей позиции в прениях, а также оглашает свою точку зрения касательно порядка исследования представленных доказательств защиты» [33].

Председательствующий по делу, объявив окончание судебного следствия, как правило, выясняет, готовы ли стороны начать судебные прения или же возникла необходимость сделать перерыв, чтобы адвокат согласовал свою позицию с подзащитным и прочими защитниками, а также чтобы стороны более тщательно подготовили свои будущие выступления. Такой перерыв в любом случае должен использоваться в ходе заседаний по многоэпизодным делам и делам о групповых преступлениях – с целью, в частности, при возникновении необходимости изложить свою речь в письменной форме.

В какой последовательности участники прений выступают на заседании, устанавливает суд; в любом случае, первым выступает обвинители, последними – сам подсудимый и его адвокат. В свою очередь, ответчик (представитель ответчика) по гражданским делам выступают, согласно части 3 статьи 292 УПК РФ после гражданского истца (его представителя). В этой связи следует отметить, что упомянутый выше перерыв может быть

использован также для согласования последовательности защитительных речей, т.к. это довольно важно, если речь идёт о деле, где у одного подзащитного два и более адвокатов либо о групповом деле, в котором защитников несколько.

Необходимо принимать во внимание, что позиция стороны обвинения, выражающая себя, в частности, в речи обвинителя, практически во всех аспектах полностью конгруэнтна материалам уголовного дела; последние предоставляются для изучения защитой только после того, как расследование по делу окончено. Из этого с очевидностью следует, что условия работы у адвоката значительно сложнее, чем у прокурора, поскольку первому приходится сопротивляться обвинительному уклону, который, по инерции, сообщается делу ещё на этапе предварительного следствия; такое сопротивление даётся нелегко, даже если уголовный процесс носит состязательный характер [6, с. 142-143].

Прения сторон для судей-непрофессионалов, каковыми являются присяжные заседатели, оказывают существенную поддержку в установлении истинности (ложности) каких-либо фактов и определении их значимости для суда в качестве доказательств; кроме того, именно прения направлены на формирование у присяжных окончательной уверенности из тех выводов, что будут положены ими в основу будущего вердикта по делу. От судебных прений, таким образом, непосредственно зависит возможность для присяжных вынести по уголовному делу непротиворечивый вердикт, а для суда – обоснованный и справедливый приговор.

Основная особенность состоит в том, что присяжные являются «судьями факта», поэтому юридическое объяснение событий не имеет никакого значения и фактическое становится главным.

На этапе судебного следствия, равно как и во всем уголовном процессе, в соответствии со ст. 8 Кодекса профессиональной этики адвоката [29], защитник должен проявлять по отношению ко всем субъектам уголовно-правового конфликта уважение (включая и государственного обвинителя, т.е.

процессуального антагониста защиты). Считается недопустимой жёсткая критика органов уголовного преследования, а также их дискредитация посредством различных негативных заявлений (например, о том, что утверждения обвинителя абсурдны [39], или что большинство представленных стороной обвинения доказательств были сфальсифицированы [40]). Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ, отменяя приговоры по указанным уголовным делам, правомерно указала на тот факт, что «незаконные заявления стороны защиты, которые были приведены, не могли не оказать на присяжных известного влияния при вынесении вердикта» [46, с. 33-37]. Таким образом, защитник должен в ходе судебных прений определять свою стратегическую позицию слабыми местами позиции обвинения и представленных им доказательств, а не личными недостатками государственного обвинителя и недочётами обвинительной системы в целом.

В известном смысле, на выбор защитником позиции в судебных прениях может влиять его так называемая профессиональная деформация, то есть согласно источнику, «возникновение специфических психологических свойств, отрицательно сказывающихся на осуществлении им своих обязанностей» [34, с. 21]. У защитника профдеформация может выражаться в различных формах, как-то: безразличие к подзащитному, формальный подход к защите, неиспользование для защиты подсудимого всех законных возможностей, использование стереотипной защиты, приспособление защитительной позиции к позиции государственного обвинителя и т.п.).

При обсуждении этого вопроса в первую очередь следует стремиться к тому, чтобы «в выступлениях защитников в строгой последовательности излагались выводы защиты, и чтобы защитительные речи не представляли собой нагромождение фраз и утверждений, следующих друг за другом в случайном порядке» [50, с. 96].

Право последней реплики в прениях, что необходимо помнить, во всех случаях принадлежит подсудимому либо его адвокату. Следует принимать во

внимание, что «для защитника право возразить на реплику оппонента представляет собой не столько возможность дать эффектный ответ, сколько дать присяжным заседателям понять, что выпад обвинителя не остался без ответа, что последнее слово всегда будет за защитой» [25, с. 129].

Когда присяжные заседатели объявили свой вердикт, председательствующий суда, в соответствии с частью 2 статьи 346 УПК РФ, благодарит их и объявляет, что участие присяжных в настоящем судебном разбирательстве подошло к концу; в дальнейшем слушание дела, в соответствии с положениями ст. 346 и ч. 1 ст. 347 УПК РФ проходит без присяжных, и в вынесении приговора они не участвуют. Но в соответствии с ч. 3 статьи 346 УПК РФ присяжные имеют право остаться в зале судебного заседания до окончательного рассмотрения уголовного дела, заняв при этом места, отведённые для публики.

Председательствующий объявляет перерыв в судебном заседании (если в этом есть необходимость) с целью подготовки сторон к разрешению вопросов, касающихся изучения тех обстоятельств, которые не подлежат исследованию при участии присяжных; кроме того, сторонам согласно ст. 347 УПК РФ необходимо подготовиться к обсуждению последствий вынесенного присяжными вердикта.

Вердикт присяжных может носить обвинительным или оправдательный характер; при этом оправдательный вердикт присяжных должен приводиться в исполнение незамедлительно и обсуждению не подлежит. Относительно же обвинительного вердикта присяжных возникает ряд вопросов.

В случае вынесения обвинительного вердикта производится исследование обстоятельств, связанных с квалификацией содеянного подсудимым, назначением ему наказания, разрешением гражданского иска и другими вопросами, разрешаемыми судом при постановлении обвинительного приговора. По окончании исследования указанных обстоятельств проводятся прения сторон, во время которых последними выступают защитник и подсудимый. Опираясь на буквальный текст статьи,

можно сделать вывод, что защитник не вправе выражать сомнение в справедливости вынесенного присяжными обвинительного вердикта; иными словами, защитнику, фактически, вменяется в обязанность отказаться от позиции о недоказанности вины подсудимого, которую он избрал ранее, признать виновность своего подзащитного, а также высказаться в отношении квалификации содеянного и меры наказания. Из этого логично вытекает, что произнесённая по окончании судебного следствия защитительная речь полностью теряет своё значение и смысл.

В ходе прений ни одна из сторон, как уже отмечалось выше, не имеет права обращаться к председательствующему судье с просьбой оправдать подсудимого, если последний был вердиктом присяжных признан виновным. Однако при этом защитнику необходимо принимать во внимание то, что в случае обвинительного вердикта присяжных, по результатам исследования обстоятельств, подлежащих таковому без участия присяжных, к председательствующему допустимо обращаться с просьбой вынести, например, постановление о прекращении дела на основании ст. 10 УК РФ; освободить подсудимого от наказания на основании акта об амнистии, в соответствии со ст. 84 УК РФ либо в связи с истечением сроков давности (в соответствии с положениями статей 78 и 94 УК РФ); отсрочить, на основании ст. 82 УК РФ, исполнение наказания в случаях, установленных законом (т.е. для беременной женщины, женщины, имеющей малолетних детей); применить к несовершеннолетнему подсудимому, в соответствии со ст. 90 УК РФ, принудительные меры воспитательного воздействия и т.д.

Уголовно-процессуальное законодательство предполагает, таким образом, повторение прений сторон, в ходе которых вся излагаемая по делу информация адресуется исключительно председательствующему судье. На этом втором этапе судебных прений обсуждаются исключительно юридически вопросы, входящие в исключительную компетенцию председательствующего судьи, а именно обсуждаются вопросы применения правовых норм к уже

вынесенному присяжными вердикту и к тем фактическим обстоятельствам, как они установлены этим вердиктом.

Если коллегией присяжных заседателей постановлен обвинительный вердикт, подсудимому предоставляется право выступления с последним словом. Только после последнего слова подсудимого и под прямым и непосредственным впечатлением от него председательствующий удаляется в совещательную комнату для постановления приговора.

Недопустимо задавать подсудимому какие-либо вопросы во время произнесения последнего слова; суд, в соответствии с положениями ст. 293 УПК РФ, не имеет права ограничивать подсудимого тем или иным временным отрезком для произнесения последнего слова, но может остановить его, если содержание последнего слова не имеет непосредственного отношения к обстоятельствам данного уголовного дела.

Подытоживая основные вопросы, рассмотренные в рамках главы 1 исследования, можно сделать следующие выводы.

Определяя понятие защитительной речи адвоката, следует сказать о том, что уголовно-процессуальный закон не дает нам такого определения. Анализ норм УПК РФ, дающих определение защитника (ст. 49 УПК РФ) и его полномочий в уголовном процессе (ст. 53 УПК РФ), а также анализ литературы по судебному красноречию, позволяет вывести понятие защитительной речи адвоката как публичного высказывания особого стиля, сделанного адвокатом-защитником в судебных прениях по поводу предъявленного обвинения, с целью убедить судью и присяжных заседателей в истинности данной им оценки обстоятельств преступления и собранных по делу доказательств.

Глава 2 Подготовка и произнесение защитительной речи

2.1 Подготовка защитительной речи

Содержание судебных прений законодательно никак не регулируется; в положениях статьи 292 Уголовно-процессуального кодекса РФ указано только, кто именно в них участвует; кроме того, в указанной статье содержится два запрета для сторон, которые выступают в прениях, и определено (часть 4 данной статьи), что в ходе прений нельзя ссылаться на те доказательства, которые на судебном следствии рассмотрены не были.

Председательствующий вправе согласно части 5 той же статьи, остановить выступающего, если тот ссылается на не относящиеся к настоящему делу обстоятельства либо на доказательства, в соответствии с положениями статьи 75 УПК РФ, признанные недопустимыми.

Если не принимать во внимание означенный список ограничений, защитник самостоятельно принимает решение в отношении плана своей судебной речи и её воплощения на практике. Общими требованиями к адвокатской речи являются краткость, конкретность формулировок и обоснованность сделанных выводов.

В литературе по судебному красноречию широко цитируются слова Платона, что речь оратора «должна составлять как бы живое существо – все части его «тела» должны составлять единое целое, выполнять своё предназначение в соответствии с общей целью и находиться на своём месте» [27, с. 29].

Целостность восприятия, как и уровень убедительности защитительной речи, страдают при нарушении логической последовательности доводов в ней, а также наличии ложных посылок; связь между фактами доказывания и конечными выводами защиты при этом утрачивается, что не может негативно не отразиться на мнении слушателей.

В защитительной речи вступление выполняет весьма важную функцию – вызвать у слушателей интерес, настроить их на восприятие речи. В этой связи нельзя не отметить, что речь защитников зачастую бывает шаблонной, формальной выстроенной – такая речь производит слабое впечатление даже при безупречной аргументации.

Приведем пример защитительной речи, весьма далекой от совершенства, содержание которой не отвечает базовым рекомендациям в этой части: «Мой подзащитный обвиняется в том..., (следует дословное перечисление эпизодов, по тексту обвинительного заключения), ... У меня нет оснований оспаривать предъявленное обвинение. Вина моего подзащитного полностью доказана. Обращаю ваше внимание только на доказательства, характеризующие личность моего подзащитного, ранее не судимого, положительно характеризуемого по месту работы и в быту, имеющего на иждивении несовершеннолетнего ребенка. Прошу определить меру наказания не связанную с лишения свободы...» [25, с. 137].

Подобных схематичных и заведомо «мертвых» речей адвокату допускать нельзя, поскольку здесь налицо лишь имитация участия защитника в судебных прениях.

Универсальных рецептов в отношении выстраивания вступления защитительной речи найти нельзя, однако здесь существует множество вариантов: представляется уместным чем-либо заинтриговать слушателей, привести адекватную обстоятельствам дела цитату, привлечь внимание ещё каким-то способом.

Основная часть адвокатской речи непосредственно связана с позицией защитника по делу, которая должна быть корректно сформулирована и грамотно реализована; такая позиция «представляет собой одно из важнейших условий успешной защиты адвокатом прав и законных интересов своего доверителя» [13, с. 33-37].

Во всех вышеуказанных определениях позиции адвоката общим местом выступает тот факт, что все эти позиции отражают с различных точек зрения

ту или иную грань сложного и многосоставного явления, определяемого как позиция защитника. Стоит отметить, что подобная множественность определений сама по себе ещё не свидетельствует о непоследовательности и противоречивости явления – в данном случае множество дефиниций отражает именно его сложность и многогранность.

С точки зрения этимологии, наиболее уместными толкованиями термина «позиция» можно считать следующие:

- положение, расположение;
- точка зрения или мнение по тому или иному вопросу [30, с. 3-4].

В соответствии с частью 3 статьи 335 УПК РФ в отношении как подсудимого, так и его защитника, речь об употреблении термина «позиция» может идти только в той части, которая непосредственно касается предъявленного обвинения; из этого вытекает, что термином «позиция защитника» обозначается мнение адвоката именно в отношении указанного обвинения.

Исходя из подобного понимания своей процессуальной позиции, защитник имеет право высказать свое отношение к предъявленному подзащитному обвинению уже в самом начале судебного следствия, а именно после получения ответа от подсудимого, признает ли он сегодня виновным и если да, то в какой части (ч. 2 ст. 273 УПК РФ). Следует учитывать, что применительно к регламентации начала судебного следствия при обычном порядке судебного разбирательства, то есть без участия присяжных заседателей, защитник имеет право выразить своё отношение к предъявленному обвинению, но может этим правом и не воспользоваться. Совсем иное в суде с участием присяжных заседателей. Там защитник должен в обязательном порядке высказать позицию защиты по предъявленному обвинению, согласовав её предварительно с подзащитным (ч. 3 ст. 335 УПК РФ). Такое правило установлено для обеспечения подлинной состязательности сторон перед присяжными заседателями, которым эти заявления и адресуются.

Защитник, таким образом, во всяком случае имеет право заявить свою позицию в начале судебного следствия; в суде с участием присяжных заседателей он обязан это сделать. Между тем, до принятия действующего Уголовно-процессуального кодекса РФ считалось, что позиция адвоката должна высказываться им лишь в ходе защитительной речи, то есть уже по окончании судебного следствия. Такой подход обосновывался опасениями того, что если бы защитник определял свою позицию заблаговременно до начала судебного следствия, то вся его процессуальная и собственно доказательственная деятельность в ходе самого судебного следствия неизбежно была бы подчинена этой позиции. Высказывались опасения, что в таком случае он все свои усилия по участию в доказывании неизбежно бы осуществлял лишь в русле своей заранее выработанной позиции, что чревато игнорированием тех обстоятельств, что в данную позицию не укладывались бы, но имеют существенное значение для дела. Представляется, что данные опасения были лишены каких-либо оснований, поскольку деятельность защитника по определению является односторонней.

Презюмируется конечно, что защитник на основании ознакомления с материалами уголовного дела по окончании предварительного расследования и проведенного им анализа доказательственной базы, собранной стороной обвинения, формирует собственное представление как об имеющемся положении вещей с точки зрения возможностей защиты, так и наиболее перспективных с его точки зрения вариантов поведения стороны защиты. Однако на этом этапе собственно о процессуальной позиции стороны защиты говорить явно преждевременно. На данном этапе это лишь предположение об одном из нескольких возможных вариантов развития событий, которые могут влиять на окончательную выработку защитником своей процессуальной позиции в интересах подзащитного.

Совсем иная картина вырисовывается при буквальном толковании норм Уголовно-процессуального кодекса РФ. Тогда приходится признать, что и на самом раннем своем этапе видение защитником своих возможностей уже

является его процессуальной позицией в подлинном смысле этого понятия. Но и в этом случае не приходится опасаться того, что защитник в ходе будущего судебного следствия подчинит всю свою процессуальную деятельность исключительно искусственному обоснованию раз и навсегда избранной им процессуальной позиции. Любая процессуальная позиция на каждом из этапов ее реализации – не есть нечто неизменное и устоявшееся. Процессуальная позиция может и должна подвергаться ревизии со стороны защитника буквально в каждый из моментов судебного следствия. Поскольку в каждый момент может быть получена такая доказательственная информация, которая неизбежно потребует пересмотра, и даже неоднократного, уже выработанной когда-то процессуальной позиции. Такое положение вещей вовсе не является исключением из правила, наоборот, это норма, поскольку любая процессуальная позиция отличается гибкостью и адаптируемостью к вновь возникающим процессуальным ситуациям [16, с. 13-16].

Сразу же следует отметить, что, в соответствии с ФЗ № 63 от 31.05.2002 года «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в РФ» [55], адвокат не имеет права:

- занимать по делу позицию, которая противоречит воле доверителя (кроме тех случаев, в которых защитник уверен в том, что со стороны подзащитного имел место самооговор);
- публично заявлять о доказанности виновности подзащитного в том случае, если последний ее отрицает [30, с. 3-7].

Вышеуказанные указанные положения одновременно в полной мере корреспондируются с нормами Кодекса профессиональной этики адвоката (п.п. 2 ч. 1 ст. 9) [29].

Действующее законодательство, как материальное (Закон об адвокатуре), так и процессуальное (Уголовно-процессуальный кодекс РФ), не раскрывают понятия законного интереса ни применительно к адвокату, ни применительно к иным участникам уголовного судопроизводства, однако содержат много численные указания на него (например, ч. 3 ст. 47 УПК, п. 1

ч. 1 ст. 7 Закона об адвокатуре). Нет по этому поводу и исчерпывающих толкований высших судебных инстанций – Конституционного Суда РФ и Верховного Суда РФ.

В этой связи представляется необходимым указать, что к понятию законного интереса в юридической литературе традиционно присутствовало критическое отношение. Указывалось, например, на «отсутствие возможности определения законности интереса без соответствующих профессиональных познаний и навыков» [34, с. 14], а также на «неопределённость критерия дифференциации законных и незаконных интересов подсудимого, по крайней мере, до тех пор, пока истина по делу не будет установлена и подтверждена юридически приговором суда, вступившим в законную силу» [34, с. 15].

Исходя из анализа совокупности всех правовых норм, регламентирующих деятельность адвоката – защитника в рамках уголовного судопроизводства, можно прийти к единственно возможному выводу, что на защитника во всех случаях и на всех этапах производства, включая предварительное расследование, законом возлагается обязанность по защите именно законных интересов подзащитного. Следовательно, выполнение возложенной на защитника данной обязанности невозможно без четкого понимания им критериев законности и незаконности интереса подзащитного. А из этого уже прямо следует, что такое разграничение необходимо проводить защитнику задолго до вынесения судом приговора, иначе говоря, очевидно, что «законодатель не связывает со вступлением приговора в законную силу определение законности интереса обвиняемого для адвоката; таким образом, адвокат не только может, но и должен самостоятельно определять, законен ли тот или иной интерес подзащитного и подлежит ли он юридической защите» [34, с. 17].

Под термином «законные интересы» применительно к подсудимому подразумеваются, таким образом, как прямо предусмотренные законом интересы подсудимого, например, интерес в законном и обоснованном рассмотрении и разрешении любых его ходатайств, так и иных, прямо не

предусмотренных, но либо вытекающих из закона, либо не противоречащих ему интересов.

Возможны следующие варианты позиции адвоката-защитника по уголовному делу.

Во-первых, оспаривать обвинение в целом, доказывая невиновность подсудимого за отсутствием в его действиях признаков преступления, за отсутствием самого события преступления или за непричастностью к нему подсудимого, оспаривать обвинение в отношении отдельных эпизодов.

Здесь возможен крайне нежелательный для любого адвоката вариант, когда защитник как профессиональный юрист приходит к однозначному выводу о доказанности материалами дела предъявленного подзащитному обвинения, однако последний себя виновным не признает. В этом случае у адвоката отсутствует какая-либо альтернатива в выборе линии защиты, кроме как его прямой обязанности следовать позиции своего подзащитного. В противном случае, если адвокат нарушит это требование, налицо будет нарушение права на защиту, так как Закон об адвокатуре (п.п. 3 п. 4 ст. 6) категорически запрещает адвокату занимать по делу иную позицию нежели позиция его доверителя, кроме случая, когда адвокат убежден в наличии самоговора. Аналогично этот вопрос разрешает п.п.2 п. 1. ст. 9. Кодекс профессиональной этики адвоката [29].

Согласно требованиям ч. 2 ст. 302 УПК РФ оправдательный приговор постановляется в случаях:

- если не установлено событие преступления;
- подсудимый не причастен к совершению преступления;
- в деянии подсудимого отсутствует состав преступления;
- в отношении подсудимого присяжные вынесли оправдательный вердикт.

В основной части защитительной речи защитнику необходимо опровергнуть или обоснованно поставить под сомнение каждое

доказательство обвинения, где это только возможно и оправданно, противопоставить им свои доказательства.

Необходимо, например, «доказать суду, что показания свидетелей обвинения не заслуживают доверия, так как эти показания противоречивы, с приведением фактов противоречий, причин возникших противоречий в показаниях свидетелей, убедить суд в том, что свидетели обвинения являются лицами, прямо заинтересованными в неблагоприятном для подсудимого исходе дела, убедить суд в том, что согласно требованиям ст. 75 УПК РФ данные доказательства недопустимы, так как они получены с нарушением требований УПК РФ, свидетель не может указать на источник получения информации и так далее. При этом защитнику следует способствовать созданию мнения у суда о том, что показания свидетелей защиты объективны» [2, с. 13-18].

Кроме того, адвокат в соответствии с положениями статьи 73 УПК РФ должен убедить суд в том, что ряд доказательств обвинения по делу к предмету доказывания отношения не имеет, из-за чего данные доказательства не могут быть положены в основу обвинения подзащитного.

Например, адвокат может следующим образом выстроить тактику защиты: «Следует обратить внимание суда на то, что по делу имели место нарушения требований гл. 27 Уголовно-процессуального кодекса РФ, которая регламентирует процедуру проведения экспертизы, а также нарушения прав подсудимого, в соответствии со ст. 198 УПК РФ при назначении и осуществлении судебной экспертизы. Необходимо также привести результаты анализа экспертного заключения, в соответствии со ст. 204 УПК РФ, чтобы оспорить достоверность сделанных ими выводов; компетентность экспертов должна быть поставлена под сомнение, следует также указать суду на то обстоятельство, что сделанные экспертами заключения свидетельствуют о том, что они вышли за рамки своей компетенции и оспорить корректность используемых ими при составлении заключения методик и т.д. [25, с. 185]

Если это может оказать благоприятное влияние на положение подзащитного, необходимо, согласно ст. 17 УК РФ, оспорить доводы обвинения, касающиеся реальной или идеальной совокупности преступлений. Представляется целесообразным согласно ст. 36 УК РФ квалифицированное доказывание факта эксцесса исполнителя, соучастника преступного деяния, тогда как подзащитный единого умысла с соучастником на определённые преступные действия не имел.

При наличии достаточных оснований необходимо в соответствии со статьёй 78 УК РФ доказать суду, что срок давности вынесения приговора истек.

Вышеизложенное, конечно, представляет собой схему основной части речи защитника, основанной на позиции оправдания подсудимого; при этом конкретные обстоятельства содержатся в определённом деле, в рамках которого данная речь произносится, всё изложенное относится исключительно к порядку выстраивания её основной части.

Второй позицией защиты является переквалификации совершённого подсудимым деяния по той статье УК РФ, которая предусматривает меньшую степень вины подзащитного; это становится возможным, если вина подсудимым признана, но его действия, как полагает защитник, предварительным следствием были квалифицированы некорректно. Общий принцип такой позиции заключается в том, что она не должна сделать положение подсудимого хуже, чем до её применения.

Если защитник следует позиции переквалификации действий подсудимого по иной статье закона, предусматривающей меньшую степень ответственности, то в основной части защитительной речи должно быть проанализировано каждое из доказательств обвинения, которое, как полагает обвинительная сторона, служит подтверждением виновности подсудимого по той статье уголовного закона, в соответствии с которой ему предъявлено обвинение. Приведенные обвинением доказательства должны быть оспорены и подвергнуты критике, после чего защитник, на основе собственной

конструкции доказательств, должен убедить суд в том, что действия подсудимого было некорректно квалифицировать по статье УК РФ, предполагающей большую тяжесть совершённого деяния. Следует в развернутом виде проанализировать диспозицию вменяемой подзащитному статьи УК РФ и привести суду убедительные аргументы в пользу того, что действия подзащитного следует квалифицировать по статье, предусматривающей меньшую степень вины и менее тяжкое наказания, приведя доказательства, в достаточной степени подтверждающие позицию адвоката [2, с. 22].

Представляется уместным и необходимым оперировать определёнными пунктами Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации по делам соответствующей категории, приведя при этом примеры, относящиеся к практике вышестоящих судебных инстанций.

Согласно третьей позиции, так называемой позиции снисхождения, защита добивается смягчения ответственности подсудимого за содеянное, если последний в полной мере признает свою вину, а по мнению защитника, доказательства, подтверждающие виновность подзащитного, являются достаточными, однако наказание, которое будет назначено судом, должно быть минимальным, исходя из санкции соответствующей статьи особенной части Уголовного кодекса РФ. При наличии на то законных оснований необходимо также ставить вопрос о применении судом положений ст. 64 УК РФ о назначении подсудимому наказания ниже низшего предела, установленного соответствующей санкцией. В данном случае перед защитником открывается весьма широкое поле деятельности в подготовке защитительной речи при полном признании вины подзащитного и достаточной доказанности обвинения. Знаменитый судебный деятель А.Ф. Кони отмечал, что даже в защиту падшего человека можно найти хотя бы слово сострадания. При обосновании наличия каждого обстоятельства, смягчающего вину подзащитного, следует ссылаться на подтверждающие доказательства, которые были исследованы в процессе судебного следствия.

Необходимо также проанализировать и доказать, применительно к данному случаю, все части и пункты статьи 61 Уголовного кодекса РФ, определяющей обстоятельства, смягчающие наказание, применительно к конкретному подсудимому. При этом представляется явно недостаточным указать на то обстоятельство, что рассматриваемое в суде деяние является первым преступлением подсудимого, что тяжесть данного преступного деяния невелика и оно произошло в результате случайного стечения обстоятельств, что на иждивении у подзащитного находятся малолетние дети, что сам подзащитный активно и по своей воле сотрудничал со следствием, глубоко раскаялся в содеянном и стремится компенсировать причинённый вред и пр. Каждое обстоятельство, смягчающее вину должно быть подтверждено реальными доказательствами (следует при этом ссылаться на конкретные листы дела). В речи защитника представляется уместным зачитывать частично или полностью те документы, которые подтверждают наличие обстоятельства, смягчающего ответственность подсудимого.

При наличии смягчающих вину обстоятельств, предусмотренных пунктами «и» или «к» ст. 61 УК РФ, и при обязательном отсутствии каких-либо отягчающих обстоятельств в соответствии с ч. 1 ст. 62 УК РФ срок или размер наказания не могут превышать две трети максимального срока или размера наказания наиболее строгого вида наказания, предусмотренного соответствующей статьей УК РФ.

Следует обратить внимание суда на то, что в соответствии с ч. 2 ст. 61 УК РФ суд при назначении наказания может учитывать и другие смягчающие вину обстоятельства, не предусмотренные ч. 1 данной статьи. Следует предъявлять суду дополнительные смягчающие вину обстоятельства, и просить суд признать их таковыми.

Защитник обязан оспорить каждый довод обвинения, если оно просит суд признать в действиях подсудимого отягчающие вину обстоятельства, предусмотренные ст. 63 УК РФ.

Адвокату следует просить суд:

- не применять к подсудимому дополнительных мер наказания, мотивируя просьбу конкретными доводами, со ссылками на доказательства, исследованные судом;
- не применять к подсудимому принудительных мер медицинского характера, если к тому имеются основания.

Защитнику следует оспаривать гражданский иск по делу, если к тому имеются основания, четко мотивируя свою позицию в этой части.

По позиции смягчения ответственности и наказания адвокату в защитительной речи необходимо осветить вопросы, сформулированные в ст. 299 УПК РФ, то есть вопросы, разрешаемые судом при постановлении приговора, применительно к рассматриваемому делу. Положение подзащитного значительно улучшится, если адвокат аргументировано, доказательно осветит пункты данной статьи, с позиции смягчения ответственности подсудимого.

Представляется, что профессионально прозвучат в защитительной речи ссылки адвоката на пункты соответствующих постановлений Пленума Верховного суда РФ по вопросам смягчения ответственности и наказания.

Основными по данной теме являются:

- Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 11 января 2007 г. № 2 «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания»;
- Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29 октября 2009 г. № 20. «О некоторых вопросах судебной практики назначения и исполнения уголовного наказания»;
- Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29 октября 2009 г. № 21 «О внесении изменения и дополнений в Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 11 января 2007 года № 2 «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания»;

- Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29 июля 2010 г. № 17 «О практике применения судами норм, регламентирующих участие потерпевшего в уголовном судопроизводстве».

Уместно сослаться на конкретное определение вышестоящих судов, где в аналогичной ситуации дело разрешено с минимальным наказанием для подсудимого [45, с. 4].

В юридической литературе не получил достаточного освещения вопрос о соотношении позиции защиты и версии, их обычно рассматривали как синонимы.

Понятия «версия» и «позиция защиты» объединяет то, что они являются средствами защиты.

Различие между ними можно провести по следующим основаниям:

- а) по науке, разрабатывающей дефиницию:
 - 1) версия - криминалистика;
 - 2) позиция - уголовный процесс.
- б) по гносеологической природе:
 - 1) версия - инструмент познания объективной действительности;
 - 2) позиция - результат познания объективной действительности.
- в) по характеру знания:
 - 1) версия - вероятное знание для познающего объективную действительность;
 - 2) позиция - достоверное (обоснованное) знание для познавшего объективную действительность [36, с. 71-74].

Указанные положения дают, таким образом, возможность прийти к выводу, что категорией, объединяющей в единый комплекс факторы субъективного и объективного характера, которые обуславливают успешность деятельности защитника, является правовая позиция защитника по делу, в которой в ходе реализации адвокатской деятельности максимально полно и отчётливо раскрываются как факторы объективного характера, так и субъективная обусловленность деятельности. Для защитника важно

применять в интересах лиц, обратившихся к нему за квалифицированной юридической помощью, все средства и способы защиты прав, которые не запрещены законодательно. Во многом использование таких средств определяется степенью осознания адвокатом собственного профессионального долга; в известном смысле, это является вопросом совести. Необходимость глубоко и объективно изучить обстоятельства рассматриваемого дела диктуется адвокату через осознание значения его деятельности и последствий таковой, через его стремление к добросовестному, с полной самоотдачей, выполнению своей работы; следует также понимать, что для более полного вникания в дело необходимо изучать прецеденты, специальную литературу, обращаться к разнопрофильным специалистам за консультациями, истребовать разного рода справки, заблаговременно прорабатывать линию защиты, определять каково будет содержание доводов защиты и в какой форме они будут излагаться и т.д. Следование долгу защитника подразумевает непрерывную проверку собственных действий на соответствие интересам подзащитного; успешен будет только тот адвокат, который испытывает потребность самосовершенствоваться. Профессиональный долг обязывает адвоката к честности, добросовестности и совестливости, кого бы он ни представлял на суде.

Необходимо также раскрыть вопрос ответственности защитника за собирание и исследование доказательств по делу.

В адвокатской среде представляется бесспорным, что «осуществление защитником познавательной деятельности по уголовному делу представляется не только целесообразным, но и необходимым; если не будет прояснена в полной мере картина произошедшего события, а также все значимые обстоятельства, имеющие к ней отношение, защитник будет не способен ни сформировать по делу адекватную позицию, ни предоставить профессиональную помощь подзащитному» [42, с. 94].

Отлично осознавая полезность познавательной деятельности, немногие из практикующих адвокатов, вместе с тем, готовы принять на себя данную обязанность; и еще меньше адвокатов согласны отвечать за то, что с их стороны активная познавательная деятельность по делу отсутствует.

В этой связи представляется весьма актуальным вопрос о том, должен ли адвокат занимать активную позицию, изучая фактические обстоятельства дела; данный вопрос, к несчастью, освещён в юридической литературе явно недостаточно.

Указанный вопрос в какой-то степени анализируется в ходе изучения проблем участия защитника в процессе доказывания; например, как отмечает в своем исследовании А.В. Рагулин, «в юридической науке существуют разные подходы к вопросу соотношения между профессиональным правом адвоката и его обязанности в области доказывания» [44, с. 254]. По мнению данного автора, «позиция обязанности основана на том, что защитник принимает участие в доказывании, в первую очередь, именно по своей профессиональной обязанности, а не по праву, т.к. это отвечает самому существу защиты». Подобная точка зрения высказывалась в работах таких авторов как З.В. Макарова, Г.М. Шафир, Г.Д. Побегайло, Ю.С. Кручинин, Ю.Ф. Лубшев. Другая точка зрения, отмеченная А.В. Рагулиным, свидетельствует об отсутствии у адвоката обязанности доказывать невиновность подозреваемого и обвиняемого, так как бремя доказывания возложено на сторону обвинения, что поддерживалось такими авторами как В.А. Семенцов, Г.Г. Скребец, А.М. Ларин, М.С. Строгович.

При этом важно учитывать, что «обязанность тем и отличается от субъективного права, что от исполнения юридической обязанности нельзя отказаться, так как такой отказ является основанием для ответственности. То есть обязанности должна корреспондировать ответственность, в противном случае такая обязанность остается правом» [20, с. 116].

Заключительная часть защитительной речи – это своего рода мощный аккорд, когда все искусство судебного оратора должно быть направлено на

закрепление убежденности адресатов речи в правильности представленной их вниманию позиции. Не случайно в литературе отмечается, что «этот аккорд должен прозвучать, по возможности, кратко и убедительно, чтобы у слушателей сохранилась целостная картина восприятия услышанного» [26, с. 123].

Помимо этого, принято считать, что «наиболее отчетливо запоминается то, что сказано в заключительной части разговора, монолога» [26, с. 123], что в конце передачи информации крайне желательно формулировать кратко основной вывод сказанного.

Применительно к структуре и содержанию защитительной речи для формулирования основных выводов по изложенным ранее позициям защитника прямо предусмотрена специальная заключительная часть, именуемая просительной.

В просительной части итоговая, выверенная и обоснованная доказательствами по делу позиция защитника должна быть выражена кратко и конкретно. При этом настоятельная рекомендация состоит в исключении из выводов любых альтернатив, то есть недопустимо просить суд об оправдании подсудимого, например, за его непричастностью к совершению преступления, указав после этого, что при несогласии суда с такой процессуальной позицией, защитник просит назначить подзащитному минимальное наказание. Тем самым защитник одной фразой перечеркивает все сказанное им ранее в обоснование невиновности своего подзащитного и открыто демонстрирует собственную неуверенность в своей позиции. Правильно отмечается в литературе, что такая неуверенность «практически нивелирует основную часть защитительной речи, в которой приводились аргументы в пользу невиновности подсудимого, какой бы убедительной она ни была» [7, с. 251-255].

Когда прения сторон окончены, обычно принято пользоваться правом последней реплики, которое согласно ч. 6 ст. 292 УПК РФ принадлежит защитнику и/или подсудимому.

2.2 Произнесение защитительной речи

Является общепринятой практикой то, что защитительные речи произносятся по памяти; зачитывать защитительную речь по заранее заготовленному тексту не принято.

Впрочем, строгого регламента здесь нет; если речь идёт о деле незначительного объема, тезисы защитительной речи могут быть составлены в письменной форме, чтобы сверяться с ней во время произнесения речи. В многоэпизодным делах представляется вполне уместным составление речи защитника в письменном виде, выделив основные тезисы и акценты, и в ходе произнесения, строить свою речь по этой канве. В сущности, на практике всё определяется личными особенностями, навыками и опытом адвоката. Иногда даже защитники высокой квалификации, имеющие богатый опыт, упускают в устном изложении некоторые важные моменты, которые они планировали осветить при составлении речи. Выход здесь возможен только один – речь должна быть тщательно подготовлена и, что ещё более важно, к её произнесению должен подготовиться сам защитник: составить, в соответствии с возможностями своей памяти, полный либо сжатый план текста или подробно и развёрнуто записать основные тезисы речи, разбив их согласно структуре (вступление, основная часть, заключение).

Если речь идёт о начинающем адвокате, то в данном случае вполне возможно зачитывание речи в полном объёме по письменному источнику.

Основой речи защитника служит то, что он хочет донести до суда по существу рассматриваемого дела.

От того как выбраны стиль речи и манера поведения, не в последнюю очередь зависит убедительность сказанного с точки зрения слушателей. От того, как именно защитник произносит свою речь, во многом зависит успешный исход дела для подзащитного.

Люди, как правило, внимательно слушают того, к кому испытывают доверие, а доверяют, в свою очередь, тем, кто абсолютно уверен в правоте своих слов. Стиль речи при этом может быть различен – деловой или эмоциональный, – но, как бы там ни было, в выступлении должна обязательно ощущаться убежденность адвоката в правильности своей позиции; кроме того, важно, чтобы тон и стиль речи защитника не противоречили избранной им позиции по рассматриваемому делу.

Здесь стоит отметить и такой факт: человек, уверенный в собственной правоте, убеждая кого бы то ни было в чём бы то ни было, всегда смотрит собеседнику (слушателю) прямо в глаза; согласно утверждениям психологов, это является весьма действенным психологическим приемом воздействия на публику. Манеры судебного оратора должны вызывать у слушателей интерес и внушать уважение к этому человеку; из этих соображений необходимо помнить о том, что только совокупность определённых признаков поможет создать нужный образ: хорошо поставленный голос, приятный тембр, правильная осанка и сдержанные жесты, живая мимика – для адвоката, желающего расположить к себе и своей позиции слушателей, не существует незначительных деталей, внимания заслуживает всё.

Как отмечается в рекомендациях для адвокатов, «представляется неуместным и даже недопустимым, если защитник в ходе произнесения речи вдруг начнёт искать в своих бумагах нужный лист, употребляет в своей речи безграмотность, вульгаризмы или жаргонизмы, слишком размашисто и агрессивно жестикулирует либо, напротив, ведёт себя слишком робко и неуверенно, произносит речь тихим голосом, производя впечатление человека зажатого и в собственной правоте далеко не убеждённого» [27, с. 573].

Всё перечисленное работает против защитника (а значит, и против подзащитного) и не содействует убеждению суда и присяжных в верности его позиции по делу, поскольку внешний облик и манеры не только судебного, но и вообще любого оратора в значительной степени влияют на восприятие слушателями сказанного им.

Очень важна для адвоката грамотность речи – употребления просторечий, жаргонных словечек, орфоэпические ошибки и т.п. выдают непрофессионализм и низкий уровень подготовки защитника. Не менее важен словарный запас – защитнику необходимо знать, как пересказать ту или иную ситуацию другими словами, не прибегая к повторам.

В защитительной речи абсолютно недопустимо строить защиту на таком фундаменте, как отрицательные качества и недостатки личности потерпевшего; в особенности это касается тех дел, которые связаны с насилием над потерпевшим, причинением тяжкого вреда его здоровью или даже смертью, где потерпевший, так или иначе серьезно пострадал в результате действий подсудимого. Конечно, несколько иной будет ситуация, в которой идёт речь о том, что действия потерпевшего привели к созданию такого положения вещей, в котором подсудимый был вынужден, например, прибегнуть к обороне и совершению действий, которые могут быть расценены судом в качестве необходимой обороны или превышения пределов таковой. Здесь будет уместно обратить на эти моменты внимание суда, поскольку именно на этом основывается ключевой тезис защиты. Однако если потерпевший стал жертвой преступления, не совершив со своей стороны никаких противоправных действий, то данные о том, что он, например, имел приводы в полицию, и злоупотреблял алкоголем, предъявлять суду недопустимо. Здоровью потерпевшего по преступлениям насильственного характера наносится значительный вред; а в случае смерти человека, когда потерпевшими являются близкие родственники погибшего, представляется и вовсе некорректным, неэтичным и даже циничным отыскивать в жизни погибшего негативные моменты – его близким это причинит боль, и при этом указание на пороки покойного не имеет никакого отношения ни к виновности подсудимого, ни к мере его ответственности. Как совершенно правильно указывается в литературе, «всё это вопросы общепринятой этики; и хотя они не оговорены законом, для адвоката недопустимо переходить границы морально дозволенного» [43, с. 63].

Неэффективно выглядит позиция защиты, когда по делам об изнасиловании, адвокат пытается всю вину за происшедшее свалить на потерпевшую.

По делам этой категории так называемое виктимное поведение потерпевшей может являться, в известной степени, аргументом в защитительной речи, но только не ключевым аргументом защиты. Для профессионала нормально выстраивать защиту на совокупности оправдывающих подзащитного или смягчающих его вину доказательств, но строить всю защиту исключительно на неправильном поведении потерпевшей является, во-первых, не рациональным, во-вторых, не этичным.

Защитник в глазах публики выглядит весьма неприглядно, если касается в защитительной речи позиции своих коллег по защите и, желая облегчить участь подзащитного, переходит на личности, доходя чуть ли не до прямых упрёков в непрофессионализме или предвзятости.

Допустимо присутствие определённых коллизий в защите, однако степень конфронтации с коллегами должна быть разумной, а поведение защитника – держаться в рамках (как, впрочем, и в ходе полемики с обвинителем).

Также неуместно поведение некоторых коллег в то время, когда защитительную речь произносит другой адвокат. Порою адвокаты проявляют свое возмущение высказываниями выступающего против своего подзащитного так бурно, что председательствующему в процессе приходится делать им замечания.

На публику это может сработать, но подобные проявления явно дискредитируют адвокатское сообщество и не способствуют улучшению имиджа профессии.

С сожалением приходится констатировать, что современных реалиях российской судебной системы, характеризующейся жесткой регламентацией судебной практики, не только процессуальной, но и во многом непроцессуальной, неформальной, в условиях уже сложившегося строгого

подчинения нижестоящих судов вышестоящим, когда выбор судьи зачастую сводится к задаче утверждения его решения судом апелляционной инстанции, слово судебных ораторов прошлого не имеет желаемого воздействия при выборе окончательного решения по рассматриваемому делу.

Адвокат по уголовным делам крайне редко может повлиять на позицию судей по делу. Те случаи, когда внутреннее убеждение судьи совпадает с позицией адвоката крайне редки, о чем свидетельствует крайне низкая статистика оправдательных приговоров. Судейское убеждение формируется не под влиянием ярких защитительных речей адвокатов, а зависит от общей тенденции уголовной политики, от того, куда качнется маятник правосудия - в репрессию или к шкале гуманизации наказаний. Подобные решения - компетенция никак не судейской, а высшей государственной власти.

Как отмечается в этой связи в специальной литературе, «несмотря на некоторый пессимизм в оценке современных возможностей защитника по уголовным делам, адвокат обязан в процессе делать все от него зависящее, использовать весь арсенал законных средств в целях оправдания подзащитного либо смягчения его ответственности перед законом. Нужно работать по делам таким образом, чтобы при неблагоприятном для подзащитного результате, доверители остались довольны проделанной адвокатом работой, и были убеждены в том, что адвокат по делу сделал все, что от него зависело. Наверное, в этом и есть суть профессионализма» [19, с. 342].

Принято после окончания прений сторон, пользоваться репликой. Право последней реплики во всяком случае принадлежит подсудимому или его защитнику (ч. 6 ст. 292 УПК РФ).

Некоторые адвокаты отказываются от последней реплики, объясняя это тем, что все сказано в защитительной речи. Представляется, что «адвокат должен во всех случаях пользоваться правом последней реплики, так как психологически отказ от последней реплики, может быть воспринят как

отсутствие у защиты аргументов против доводов, высказанных в реплике обвинителя» [9, с. 240].

По сложным, многоэпизодным делам, делам с большим количеством подсудимых уместно и целесообразно представлять суду по окончании прений сторон, но до удаления суда в совещательную комнату, в соответствии с требованиями ч. 7 ст. 292 УПК РФ в письменном виде предлагаемую формулировку решений по вопросам, указанным в пунктах 1-6 ст. 299 УПК РФ (вопросы, разрешаемые судом при постановлении приговора).

Это может существенно укрепить позицию защиты при принятии судом окончательного решения по делу.

Сложилась практика, когда по окончании судебных прений защитники передают суду для приобщения к протоколу судебного заседания письменный текст своей речи. Такое процессуальное действие в УПК РФ не предусмотрено, но и не противоречит ему, а потому является совершенно допустимым. Такое действие следует признать целесообразным, поскольку суд, разрешая вопросы, перечисленные в ст. 299 УПК РФ при постановлении приговора, будет иметь возможность еще раз обратиться к доводам стороны защиты и возможно принять их.

По итогам анализа вопросов главы 2 приходим к следующим выводам.

Композиция защитительной речи представляет собой сложное и многогранное явление, в котором в тесной связи находятся уголовно-процессуальные особенности ее создания и логические основы, которым она должна соответствовать.

Исследуя научные подходы к проблеме разработки элементов композиционной структуры защитительной речи, следует остановиться на выделении трех ее частей:

- вступления,
- основной части,
- заключения.

Цель вступления — сосредоточить внимание суда и аудитории. Для этого, прежде всего, необходимо логически организовать мысль, чтобы постепенно двигаться от старого к новому, от известного к неизвестному, от слабых аргументов к более сильным.

В основной части защитительной речи, исходя из требований уголовно-процессуального законодательства и законов логики следует: исследовать фактические обстоятельства совершенного деяния (фабулу дела) — провести анализ и дать оценку исследованных в суде доказательств и их источников, обосновать квалификацию преступления, дать характеристику личности подсудимого, дать объяснение причинам, способствующим совершению данного преступления, высказать соображения о мере наказания.

Заключение должно стать подведением итогов всего выступления и окончательным определением отношения защиты к вопросам, подлежащим разрешению по уголовному делу.

Считаю, что именно таким образом построенная композиция будет способствовать оказанию убеждающего воздействия на мнение суда.

Глава 3 Проблемные аспекты защитительной речи

3.1 Анализ типовых ошибок в структуре и содержании защитительных речей

Рассмотрим типовые ошибки на примере защитительной речи адвоката Б.А. Ахильгова в защиту Кудаяева Расула Владимировича.

Подсудимый обвинялся в совершении преступлений, предусмотренных п.п. «а», «е», «ж», «з» ч. 2 ст. 105; ч. 4 ст. 166; ч. 3 ст. 205; ч. 2 ст. 209; ч. 2 ст. 210; ч. 3 ст. 30, п.п. «а», «б» ч. 4 ст. 226; ст. 279; ст. 317 УК РФ, то есть в убийстве при отягчающих обстоятельствах, неправомерном завладении автомобилем без цели хищения, террористическом акте, бандитизме, организации преступного сообщества или участия в нем, покушении на хищение оружия и боеприпасов, вооруженном мятеже и посягательстве на жизнь сотрудников правоохранительных органов.

«Уважаемый суд! Если сегодня здесь проходит действительно справедливое судебное разбирательство, в основе которого лежит исключительно закон, я прошу вас прислушаться к моей речи, услышать ее и дать объективную оценку тем доводам, которые будут мной изложены».

С этих слов была начата речь защитника. Вступление в защитительной речи – это важная часть выступления защитника в прениях, которая задает тон всей позиции адвоката, которая будет изложена в дальнейшем. Проанализировав указанное выше начало судебной речи, можно заметить, что оратор изначально ставит под сомнение справедливость судебного разбирательства, тем самым вызывая скептическое отношения суда и присяжных заседателей к своим дальнейшим словам.

После произнесения вступительной части судебной речи адвокат сразу перешел к вопросу о квалификации вменяемого обвинением преступления по статьям 209 и 210 УК РФ, и только после этого - к анализу собранной следствием доказательной базы и фактических обстоятельств дела.

Таким образом, защитник нарушил целостность повествования в своем выступлении.

В своей речи адвокат допустил следующее высказывание: «Я отдаю себе отчет в том, что обвинение строилось в 2005 и 2006 годах, когда еще не было этих разъяснений Пленума Верховного Суда РФ, а перед не шибко подкованными в теории права следователями и прокурорами стояла задача привлечь обвиняемых по максимально большому количеству статей УК РФ. Но это не оправдание для того, чтобы идти сегодня у них на поводу и вменять статью 210 УК РФ, там, где отсутствуют основания для этого». Тем самым, ставя под сомнение профессионализм всей стороны обвинения, оратор лишает свою речь должного профессионального наполнения и располагает суд к еще более критическому отношению к его доводам.

Далее автор переходит к анализу доказательственной базы, касающейся причастности подзащитного к инкриминируемым преступлением: «Обвинение смогло представить большой объем доказательств якобы виновности Кудоева Расула, нежели в отношении Будтуева Казбека. И когда мы с Магомедом Гагиевым только приняли на себя защиту Кудоева Расула, признаюсь, меня это несколько напугало. Да, вся виновность Кудоева Расула, с точки зрения обвинения, строится исключительно на показаниях обвиняемых по настоящему делу, данных ими на предварительном следствии». Защитник в своей речи указывает на показания других обвиняемых как на базис доказательственной базы для обвинения его подзащитного, таким образом, демонстрирует в речи коллизию защиты. Вопрос коллизионной защиты в судебной речи имеет, возможно, первостепенное значение по уголовному делу с несколькими подсудимыми. Адвокат-защитник не должен без необходимости ухудшать положение других подсудимых. Всякие действия адвоката, направленные против других подсудимых, чьи интересы противоречат интересам подзащитного, оправданы лишь тогда, когда без этого не может быть осуществлена в полной мере защита его доверителя.

Рассматривая показания обвиняемых, защитник сказал следующее: «Кучменов Артур на следствии давал показания о нападении и даже чертил схему. Правда, если этот чертеж будет номинирован на какую-нибудь награду, надо признать соавторство следователя и награда должна быть поделена». Таким образом, адвокат прямо указывает на фальсификацию данного чертежа следователям, не предоставляя к этому никаких доказательств, но при этом не просит суд признать доказательство недопустимым. Как отмечено в теоретической части данной работы, любой тезис, выдвигаемый оратором в судебных прениях, должен быть обоснован. В данном случае защитник обязан был указать на конкретные обстоятельства, которые доказывают факт фальсификации или же не упоминать о своих подозрениях вовсе.

Далее автор переходит к изложению доказательств, указывающих на невиновность его подзащитного: «И в тоже время есть неопровержимые доказательства невиновности Кудаява Расула. Это не просто доказательства, это, словами профессора Преображенского, такие доказательства, при наличии которых ни Швондер, никто-либо другой не может подойти к Кудаяву с обвинением. Окончательные доказательства. Фактические. Настоящие! Броня!»

Последние слова защитника по сути представляют собой отступление от предмета судебной речи, которое ломает весь строй повествования.

«Я убежден и заявляю о том, что уголовное дело в отношении Кудаява Расула было сфабриковано», - делает вывод защитник, опять же не подкрепляя его какими-либо доказательствами.

В специальной литературе справедливо указывается, что в защитительной речи использование жаргонизмов допустимо лишь в случаях цитирования. В рассматриваемой же речи адвокат явно злоупотребляет ими, например: «что Кудаява Расула Владимировича в силу его плена в Афганистане и длительного заключения в концлагере Гуантанамо «пристегнули» к этому делу, чтобы связать подполье КБР с «Аль-Каидой». И

это очень похоже на правду. Это гораздо больше похоже на правду, нежели корявая версия обвинения».

В конце своей речи вместо повторения кратких тезисов и узловых моментов своего выступления защитник делает пространное отступление, тем самым снижая внимание к фактам и постулатам, на которые сам в своей речи акцентировал особое внимание: «И в завершении, если позволите, небольшое лирическое отступление. «I have a dream». «У меня есть мечта» - так называется самая известная речь Мартина Лютера Кинга, которую он произнес 28 августа 1963 года со ступеней Мемориала Линкольна. В ней он озвучил свое видение будущего, где белые и черные могли бы сосуществовать как равные. Он произнес ее в то время, когда американское общество еще болело расовыми предрассудками».

Подводя итог, оратор в своей речи не сохранил необходимую структурную целостность повествования, вследствие чего речь воспринималась исключительно сумбурно. Усугубляло проблему восприятия слушателями данной речи тот факт, что защитник в заключении своей речи не огласил кратко главные тезисы своей позиции, поэтому суду было трудно воспринимать адвоката. Также автор никак не обосновывал некоторые свои позиции, не приводит по ним доказательства.

В качестве специфического ораторского приема защитник намеренно использовал проявление уничижительного отношения к своим процессуальным оппонентам.

Рассмотрим в качестве примера еще одну защитительную речь - речь адвоката И.В. Рыбина в защиту подсудимого И.В. Шишова.

Подсудимый обвинялся в совершении преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 30, ч. 4 ст. 159 УК РФ, то есть покушении на мошенничество при отягчающих обстоятельствах.

Сразу оговоримся, что в речи защитника вообще отсутствует такая важная часть выступления в прениях как вступление. Адвокат сразу заявляет свою позицию суду: «Подсудимого Шишова следует оправдать по

предъявленному ему обвинению». После этого защитник переходит к обоснованию своей позиции.

Между тем, гораздо эффективнее изначально говорить о фактах и обстоятельствах, которые подтверждают позицию защиты, и только после этого переходить к формулированию выводов. Именно такая последовательность повествования позволяет слушателям речи, будь то профессиональные судья или присяжные заседатели, самостоятельно прийти к позиции близкой защитнику, и следовательно, с большей вероятностью принять ее в качестве истинной.

Раскрывая заявленную позицию, оратор произносит следующее: «Обосную свой вывод. В действиях Шишова отсутствует состав преступления. В них нет даже события преступления, а тем более мошенничества. Мошенничество – вообще «хитрый» состав. Осведомленность о преступных намерениях - это не четкая категория. С такой позицией, как у следствия, круг обвиняемых можно расширять до безграничности. Это все приводит к произволу, который мы и услышали из уст государственного обвинителя. Но все же, необходимо разделять, где есть мошенничество, а где имеются гражданско-правовые отношения». Адвокат при этом не приводит доказательств в пользу своего тезиса, оставляя свой вывод голословным.

В дальнейшем оратор совершает еще одну достаточно грубую ошибку: «Узнал обо всем позднее, когда Ахмедов уже предложил Александровым получить земельный участок. Где же тут предварительный сговор? Его нет, и не может быть». Здесь защитник указывает, что инкриминируемое мошенничество было совершено без предварительного сговора, хотя ранее автор настаивал на том, что его подзащитный невиновен из-за отсутствия события преступления. Описанное пример классической ошибки альтернативного предложения, которая изложена в теоретической части работы.

Также защитник в своей речи часто отходит от официального языка повествования, который принят в уголовном процессе, например: «То, что изложено в обвинительном заключении - это бред».

Таким образом, анализируемая речь имеет недостаточное обоснование заявленной позиции, страдает от отсутствия структурности повествования. Также адвокат не выдерживает единой позиции в отношении виновности или невиновности своего подзащитного: в начале речи он четко заявляет об отсутствии события преступления, затем же указывает на отсутствие предварительного сговора между подсудимыми.

Помимо этого, в своей речи защитником вовсе не была дана характеристика личности подсудимого.

В своем заключении оратор не подытожил краткими тезисами свою позицию.

3.2 Анализ влияния защитительной речи на итоговое судебное решение

Проанализируем влияние защитительной речи на итоговое судебное решение на примере речи адвоката Ю.А Свирина в Кировском областном суде по делу В.Р. Гирша.

Подсудимый обвинялся в совершении преступлений, предусмотренных ч. 3 ст. 30, п.п. «е», «ж», «з» ч. 2 ст. 105 УК РФ, то есть в покушении на убийство общеопасным способом, по найму, организованной группой, по п. «г» ч. 2 ст. 112 УК РФ (в том, что в составе организованной группы совершил умышленное причинение средней тяжести вреда здоровью), а также по ч. 3 ст. 222 УК РФ (незаконное приобретение, ношение огнестрельного оружия и боеприпасов в составе организованной группы).

В начале своей защитительной речи адвокат четко и однозначно формирует позицию защиты касательно предъявленному обвинению, а именно частично считает доказанной вину своего подзащитного в

инкриминируемых преступлениях, но при этом заявляет, что действия подсудимого квалифицированы предварительным следствием неправильно: «Мой подзащитный признал свою вину по предъявленному обвинению частично. И хотя на предварительном следствии он подробно рассказал обо всех обстоятельствах дела, написал чистосердечное признание, у него, как и у защиты, есть сомнения в правильности, а следовательно, в обоснованности и законности той квалификации, которая была дана на предварительном следствии».

Далее защитник детально обосновывает свою позицию, в частности, указывает на отсутствие у следствия доказательств действий подсудимого в составе организованной группы: «Доказательств того, что существовала конкретная преступная группа, следствием не добыто. Следствие и государственное обвинение в подтверждение своей версии не приводит ни одного доказательства. В обвинительном заключении нет ответов на вопросы: кто руководил, кто входил, когда организовал, как распределялись роли и обязанности, кто финансировал».

Далее защитник использует доказательства, полученные самим следствием, против обвинения: «Лица, которые якобы организовали преступную группу, находятся на свободе. Им не предъявлено обвинение. Сами подсудимые как на предварительном следствии, так и в суде заявляли, что ни в какую преступную группу не входили».

Далее оратор переходит к анализу обвинения его подзащитного в покушении на убийство по пункту «з» статьи 105 УК РФ, то есть из корыстных побуждений. Важно отметить, что адвокат доказывает свою позицию, а именно отсутствие корысти как мотива у подсудимого исключительно материалами дела: «Однако, как следует из материалов дела, сам Н. проходит по делу не как организатор преступления, а как свидетель и, следовательно, ничего подобного он уже не мог говорить Гиршу. Что, собственно, Н. в своих показаниях и подтвердил: “Никакого денежного вознаграждения Гиршу не обещал. Сам был свидетелем разговора между Гиршем и К., когда К.

предложил Гиршу убить Т. В этом разговоре ни о каких деньгах речь не шла, а Гирш согласился только потому, что хотел возвыситься в глазах ребят».

Также адвокат не забыл парировать иные доводы обвинения в этой части, например: «Чем же обосновывает свое обвинение по п. “з” ст. 105 УК РФ следствие? Первое: либо первоначальными показаниями Гирша, в которых фигурирует Н., но эту версию нельзя признать состоятельной по тем основаниям, о которых я уже говорил. Н. проходит по делу свидетелем, в противном случае он попал бы в разряд обвиняемых. И второе: более поздними показаниями Гирша, в которых Гирш говорит, что после того, как он уже согласился на убийство Т., со стороны К. было обещано вознаграждение, на которое Гирш не обратил внимания, т. к. не это было главным мотивом его согласия».

Далее автор речи подкрепляет свою позицию, обращаясь к мнению ученых относительно квалификации общественно опасного деяния как убийства из корыстных побуждений: «Теория уголовного права (комментарий УК, учебная литература по уголовному праву) рассматривает убийство из корыстных побуждений как умышленное убийство, совершенное в целях получения материальной выгоды для виновного. Таким образом, налицо должен быть корыстный мотив, и при совершении убийства виновный должен руководствоваться этим мотивом. Этого в действиях и в мотивах Гирша не было. Поэтому я прошу исключить из обвинения Гирша п. “з” ч. 2 ст. 105 УК РФ».

Затем защитник, основываясь на имеющихся доказательствах, переходит к обоснованию своей позиции по вменяемому его подзащитному эпизоду обвинения по пункту «г» части 2 статьи 112 УК РФ. Сначала он обосновывает отсутствие единого умысла у всех подсудимых на причинение вреда здоровью средней тяжести, указывая на эксцесс исполнителя: «Ранение Ю. из пистолета ТТ, который, как предполагается следствием, был у Гирша, скорее можно отнести к эксцессу исполнителя или преступной небрежности самого Гирша. Никакого сговора у Гирша с другими подсудимыми на этот

счет не было. Да и предъявляя обвинение по ст. 112 УК РФ только одному Гиршу, следствие тем самым подтверждает, что он один является субъектом данного состава преступления». А затем, переходя от более слабых аргументов к более сильным, заявляет об истечении срока давности по такому составу преступления: «В соответствии со ст. 15 УК РФ данное преступление является преступлением небольшой тяжести. В соответствии со ст. 78 УК РФ, срок давности по таким преступлениям составляет 6 лет, который истек в июле 2004 года». Адвокат не забыл упомянуть, что его подзащитный не скрывался от правоохранительных органов, более того, работал частным охранником и имел право носить огнестрельное оружие, а значит проходил в том числе и милицейскую проверку.

Парируя обвинение его подзащитного по части 3 статьи 222 УК РФ, оратор строит свою позицию на том, что органы предварительного расследования основывают свои выводы исключительно на предположениях: оружие не изымалось, экспертиза пистолета не проводилась, в качестве вещественного доказательства никакого предмета, похожего на оружие, приобщено не было. Таким образом, защита в обоснование своей позиции использует брешу в выводах обвинения: «Вывод следствия строится на предположениях. Приговор же на предположениях выноситься не может. Поэтому я прошу по ст. 222 УК РФ Гирша оправдать».

Выдерживая структуру повествования, автор переходит к вопросу назначения наказания. Для этого характеризует сначала личность подсудимого: «При назначении наказания я прошу суд учесть положительные характеристики Гирша». Также характеризует положительно своего подзащитного, указывая на его помощь следствию: «Прошу учесть п. “и” ст. 61 УК РФ, а именно, тот факт, что Гирш активно способствовал раскрытию преступления».

Приводит как смягчающее обстоятельство полную зависимость от заказчика преступления: «В своих показаниях Гирш говорил о том, что он не

мог отказать К., т. к. с одной стороны, боялся его, а с другой – работал у него и зависел от работодателя».

В конце своего выступления адвокат просит суд применить к его подзащитному статью 64 УК РФ и назначить наказание ниже нижнего предела. В качестве аргументации своего довода защитник детально обосновывает вывод о том, что подсудимый имел лишь косвенный умысел на убийство, он относился с преступной небрежностью к наступившим последствиям, но не желал смерти Т, а лишь боялся отказать своему начальнику: «Гирш отказался стрелять в Т. 26 июля 1999 г., когда последний вышел из дома с женой и дочерью», «вел не прицельный огонь, хотя мог бы без особого труда застрелить Т. В служебной характеристике из армии говорится, что Гирш хороший стрелок», «в момент стрельбы Т. подбегал к подъезду, где стоял Гирш на 3–4 метра, что давало Гиршу возможность причинить смертельное ранение Т., имея в обойме один или два патрона, Гирш не пристрелил Т., когда тот лежал на земле у ног Гирша в беспомощном состоянии».

В своем приговоре суд назначил Гиршу наказание по ст. 30 и п.п. “е”, “ж” ч. 2 105 УК РФ в виде лишения свободы сроком на 5 лет.

Анализируя влияние рассмотренной выше защитительной речи на итоговое решение суда, можно заметить, что правильно выбранная позиция по уголовному делу, а именно частичное признание вины подзащитного, позволила адвокату не только просить суд о применении положений статьи 64 УК РФ, но также способствовала приданию большего веса остальным аргументам, которые оратор изложил в своей защитительной речи.

Сторона обвинения, просив суд признать подсудимого виновным по всем без исключения вмененным ему преступлениям, изначально ослабила свою позицию перед судом, поскольку по некоторым вменяемым подсудимому эпизодам (ст. 112 УК РФ; ст. 222 УК РФ) имела только косвенные доказательства. Таким образом, у суда могло сложиться изначально скептическое отношение к аргументам обвинения. Защитнику достаточно

было указать на недоказанность вины своего подзащитного по этим эпизодам, что он и сделал. И как закономерность, суд по указанным эпизодам полностью принял позицию защиты.

Виновность подсудимого в совершении преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 30, п.п. “е”, “ж” ч. 2 ст. 105 УК РФ стороной защиты не оспаривалась. По данному эпизоду адвокат был не согласен лишь с квалификацией совершенного преступления по п. “з” ст. 105 УК РФ. Суд и в данном случае принял позицию стороны защиты.

Так как подсудимый признал свою вину по указанному эпизоду еще на стадии предварительного расследования, у защитника был весомый аргумент для того, чтобы просить суд о применении положений статьи 64 УК РФ, и назначении наказания ниже нижнего предела, с чем суд также согласился.

По итогам рассмотрения вопросов главы 3 можно сформулировать следующие выводы.

Выявлена зависимость влияния защитительной речи адвоката на исход дела от совокупного воздействия двух сторон: субъективной и объективной. Субъективная сторона определяется, прежде всего, морально-психологической установкой адвоката в том, что от убедительности его речи зависит результат дела, что достигается в результате глубокой, всесторонней и доскональной подготовки защитительной речи. Объективная сторона определяется внешней обстановкой, процессуальной действительностью, непосредственно влияющей на значимость аргументации защитника.

Влияние речи адвоката на исход дела определяется уровнем знаний ораторского мастерства, степенью подготовки к выступлению и обязанностью суда разрешить все доводы адвоката в своем итоговом решении.

Заключение

Реформирование правовой системы происходит в условиях быстро меняющейся лингвокультурной ситуации в современной России, что требует от участников уголовного судопроизводства и особенно от адвокатов-защитников использования действенных мер по повышению эффективности их речевой деятельности. В уголовном процессе, особенно на этапе судебных прений, где стороны выполняют свою функцию на основе состязательности, судебное ораторское мастерство напрямую влияет на формирование внутреннего убеждения судей, помогает им глубже разобраться в обстоятельствах дела и принять правильное решение.

Представляется, что исследование вопросов подготовки и произнесения защитительной речи адвокатом в уголовном процессе, как одного из наиболее эффективных средств обеспечения прав и законных интересов обвиняемых, может способствовать снижению вероятности судебной ошибки и повышению качества правосудия.

Подводя итоги проделанной работы, обратимся к основным выводам, сделанным в ходе данного научного исследования.

1. Определяя понятие защитительной речи адвоката, следует сказать о том, что уголовно-процессуальный закон не дает нам ее определение и не регулирует ее содержание (в ч. 4 ст. 292 УПК РФ лишь сказано, что участники прений не вправе ссылаться на доказательства, которые не рассматривались в судебном заседании или признаны судом недопустимыми и в ч. 5 ст. 292 УПК РФ, что председательствующий вправе остановить участвующих в прениях лиц, если они касаются обстоятельств, не имеющих отношения к рассматриваемому делу, а также доказательств, признанных недопустимыми).

Анализ норм УПК РФ, дающих определение защитника (ст. 49 УПК РФ) и его полномочий в уголовном процессе (ст. 53 УПК РФ), а также анализ литературы по судебному красноречию, позволяет предложить определение понятия защитительной речи как публичного высказывания особого стиля,

сделанного адвокатом-защитником в судебных прениях по поводу предъявленного обвинения, с целью убедить судью и присяжных заседателей в истинности данной им оценки обстоятельств преступления и собранных по делу доказательств.

2. Композиция защитительной речи представляет собой сложное и многогранное явление, в котором в тесной связи находятся уголовно-процессуальные особенности ее создания и логические основы, которым она должна соответствовать. Исследуя научные подходы к проблеме разработки элементов композиционной структуры защитительной речи, следует остановиться на выделении трех ее частей: 1) вступления, 2) основной части, и 3) заключения. Цель вступления — сосредоточить внимание суда и аудитории. Для этого, прежде всего, необходимо логически организовать мысль, чтобы постепенно двигаться от старого к новому, от известного к неизвестному, от слабых аргументов к более сильным. В основной части защитительной речи, исходя из требований уголовно-процессуального законодательства и законов логики следует: исследовать фактические обстоятельства совершенного деяния (фабулу дела) — провести анализ и дать оценку исследованных в суде доказательств и их источников, обосновать квалификацию преступления, дать характеристику личности подсудимого, дать объяснение причинам, способствующим совершению данного преступления, высказать соображения о мере наказания. Заключение должно стать подведением итогов всего выступления и окончательным определением отношения защиты к вопросам, подлежащим разрешению по уголовному делу. Считаю, что именно таким образом построенная композиция будет способствовать оказанию убеждающего воздействия на мнение суда.

3. Выявлена зависимость меры влияния защитительной речи адвоката на исход дела от совокупного воздействия двух сторон: субъективной и объективной. Субъективная сторона определяется, прежде всего, морально-психологической установкой адвоката в том, что от убедительности его речи зависит результат дела, что достигается в результате глубокой, всесторонней

и доскональной подготовки защитительной речи. Объективная сторона определяется внешней обстановкой, процессуальной действительностью, непосредственно влияющей на значимость аргументации защитника. Влияние речи адвоката на исход дела определяется уровнем знаний ораторского мастерства, степенью подготовки к выступлению и обязанностью суда разрешить все доводы адвоката в своем итоговом решении.

4. Позицию по уголовному делу следует рассматривать как сложное и многоплановое явление. Отношение к предъявленному обвинению должно быть согласовано с интересами подзащитного и основываться на исходных, основных положениях: законности, благоприятного исхода дела, профессионализма и этичности.

5. Исследуя специфику построения судебного процесса с участием присяжных заседателей и характеристику судебной аудитории можно сделать некоторые рекомендации, которые сделают защитительную речь более эффективной:

- с учетом того, что судебные прения поделены на две части и во избежание нарушений уголовно-процессуального кодекса адвокат-защитник обязан заранее подготовиться по основаниям разделения в речи вопросов «факта» (первая часть прений) и «права» (вторая часть прений);
- представляется, что поскольку к компетенции присяжных относится вопрос о снисхождении, данные о личности в речи адвоката могут анализироваться с учетом относимости этих данных к «вопросам факта», исследуемым с участием присяжных заседателей;
- психологами установлено, что повышенная эмоциональная напряженность различных категорий судебной аудитории может оказать прямое и косвенное влияние на вынесение вердикта присяжными. Присутствие такой аудитории, где каждая группа выполняет свои процессуальные роли, значительно осложняет деятельность защитника. Поэтому адвокатам следует рекомендовать

в соответствии с уголовно-процессуальным кодексом пользоваться возможностью заявления отвода как профессиональным судьям, так и присяжным заседателям, в том числе запасным; принимать участие в отборе присяжных заседателей - тех, кому адвокат доверит судьбу своего подзащитного.

Таким образом, оказывая влияние на формирование судебной аудитории, создаются по возможности благоприятные условия для восприятия защитительной речи и, соответственно, эффективного ее воздействия на итоговое решение.

В связи с этим, необходимо:

- предложить участникам судебных прений накапливать знания по теории судебного красноречия путем анализа приема, формы и стиля судебной речи известных юристов, добившихся в уголовном процессе успеха;
- предложить адвокатам-защитникам готовиться к судебному выступлению сообразно с требованиями уголовно-процессуального закона, использованием знаний ораторского мастерства и анализировать каждое свое выступление в прениях, отмечая успехи и причины неудач;
- предложить законодателю закрепить в соответствующих статьях УПК РФ правила (предоставляющие адвокату-защитнику возможность подать и приобщить к материалам уголовного дела письменный текст своего выступления в прениях; устанавливающие обязанность суда разрешать доводы стороны защиты в своем итоговом решении).

Рассмотренные в работе актуальные вопросы построения защитительной речи в уголовном процессе будут способствовать осуществлению дальнейших исследований в этой области, например, касающихся проблемных моментов построения судебной речи защитником по отдельным категориям уголовных дел.

Список используемой литературы и используемых источников

1. Адвокатская деятельность: учебно-практическое пособие / под общ. ред. канд. юрид. наук В.Н. Буробина, 3-е изд., перераб. и доп. – М. : Статут, 2005. 604 с.
2. Адвокатура: практикум / сост. А.С. Салкуцан. Тирасполь, 2014. 42 с.
3. Андреевский С.А. Избранные труды и речи. Тула: Автограф, 2000. 424 с.
4. Арабули Д.Т. Проблемы оказания адвокатом юридической помощи в уголовном процессе // Проблемы права (международно-правовой журнал). 2003. № 1. С. 112-129.
5. Безлепкин Б.Т. Уголовный процесс в вопросах и ответах: учебное пособие, 8-е изд., перераб. и доп. М.: Проспект, 2015. 496 с.
6. Бойков А. Д. Этика профессиональной защиты по уголовным делам. М., 1978. 173 с.
7. Ботнев В.К. Защитительная речь адвоката // Пробелы в российском законодательстве. 2010. № 4. С. 251-255.
8. Брянская Е.В. Аргументирующая сила доказательств при рассмотрении уголовных дел в суде первой инстанции: монография. – Иркутск: Изд-во ИГУ, 2015. 193 с.
9. Власов А.А. Адвокатура: учебник и практикум. М.: Прометей, 2019. 274 с.
10. Власов А.А. Значение судебной речи в адвокатской деятельности // Адвокатская практика. 2012. № 4. С. 21- 27.
11. Власов А.А. Судебная адвокатура : учеб. пособие для магистров, 2-е изд., перераб. и доп. М.: Издательство Юрайт, 2020. 479 с.
12. Володина С.И. К вопросу о некоторых особенностях подготовки адвоката к судебным прениям. // Сборник материалов V ежегодной научно-практической конференции «Адвокатура. Государство. Общество». М., 2008. 336 с.

13. Володина С.И. Правовая (защитительная) позиция адвоката-защитника (проблемы формирования и реализации) // Адвокатская практика. 2013. № 2. С. 32- 39.

14. Воскобитова Л.А. Состязательность: две концепции участия адвоката в доказывании // Уголовное судопроизводство. 2012. № 4. С. 56- 68.

15. Гатауллин З. Ш. Обоснование обвинения в прениях сторон // Российская юстиция. 2009. № 6. С. 31-47.

16. Гладышева О.В. Презумпция невиновности в справедливом уголовном судопроизводстве // Право и политика. 2007. № 12. С. 11-29.

17. Гриненко А.В., Костанов Ю.А., Невский С.А., Подшибякин А.С. Адвокатура в Российской Федерации: учебник. М.: ТК Велби, Проспект, 2016. 208 с

18. Давлетов А.А. Адвокат - консультант в уголовном процессе // Уголовное право и процесс. № 1. 2014. С. 13-21.

19. Демидова Л.А. Адвокатура в России: учебник. М.: Юридический Дом «Юстицинформ», 2006. 569 с.

20. Ергашев Е.Р., Смирнов В.Н. Организация и деятельность адвоката в Российской Федерации: учебно-методический комплекс. Екатеринбург: Изд-во УрГЮА, 2019. 189 с.

21. Загорский Г. И. Актуальные проблемы судебного разбирательства по уголовным делам : учебно-практ. пособие. М., 2011. 228 с.

22. Загорский Г.И. Избранные труды. М.: РАП, 2019. 433 с.

23. Закомолдин А.В. Адвокат свидетеля: необходима четкая процессуальная регламентация // Вестник Самарской гуманитарной академии. 2010. №1. С. 125-136.

24. Закомолдин А.В. Проблемы оказания квалифицированной юридической помощи в уголовном процессе России. М.: Юрлитинформ, 2009. 168 с.

25. Защита по уголовному делу: пособие для адвокатов / под ред. Львовой Е.Ю. М.: Юрист, 2000. 211 с.

26. Ивакина Н.Н. Основы судебного красноречия. М.: Юристъ, 2007. 464 с.
27. Искусство речи в суде присяжных: учебно-практич. пособие / И.Л. Трунов, В.В. Мельник, 2-е изд., перераб. и доп. М.: Издательство Юрайт, 2017. 662 с.
28. Клишин А.А., Шугаев А.А. Адвокатская практика: учебник; МГИМО (У) МИД России. М.: Статут, 2019. 506 с.
29. Кодекс профессиональной этики адвоката (принят I Всероссийским съездом адвокатов 31.01.2003).
30. Колобашкина С.С. Правовая позиция адвоката - представителя по гражданскому делу: понятие и особенности определения // Адвокатская практика. 2011. № 3. С. 3- 11.
31. Конвенция о защите прав человека и основных свобод (Рим, 4 ноября 1950г.) / Бюллетень международных договоров. 2001. № 4.
32. Конституция Российской Федерации (принята на всенародном голосовании 12 декабря 1993г.). - М.: Юрид. лит., 2011. 64 с.
33. Коряковцев В. В. Защитительная речь в суде с участием присяжных заседателей // Правоведение. 2002. № 2 (241). С. 109 – 122.
34. Кудрявцев В.Л. Проблемы формирования и реализации позиции адвоката-защитника на судебном следствии // Адвокат. 2005. № 4. С. 20-27.
35. Курс уголовного процесса / под ред. д.ю.н., проф. Л.В. Головки, 2-е изд., испр. М.: Статут, 2017. 1280 с.
36. Макарова З.В. Профессиональная защита подозреваемых, обвиняемых. М.: Юридический центр Пресс, 2008. 336 с.
37. Матвиенко Е.А. Судебная речь. Минск, 1972. 256 с.
38. Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка. М.: АСТ, 2016. 736 с.
39. Определение Верховного Суда Российской Федерации по делу № 78-АПУ15-8СП от 21 апреля 2015 года.

40. Определение Верховного Суда Российской Федерации по делу № 9-АПУ15-8СП от 7 июля 2015 года.

41. Панько К.К. Конфликты и коллизии в уголовном праве и процессе России // Вестник Воронежского государственного университета. 2015. № 3. С. 182-190.

42. Попов Е.А. Адвокат как участник уголовного процесса в досудебных стадиях: дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2004. 174 с.

43. Профессиональная этика юриста: учебное пособие для студентов / Есикова М. М., Бурахина О. А., Скребнев В. А., Терехова Г. Л. Тамбов: Изд-во ФГБОУ ВПО «ТГТУ», 2020. 78 с.

44. Рагулин А.В. Современные проблемы регламентации и охраны профессиональных прав адвоката-защитника в России: монография. М.: ЮРКОМПАНИ, 2012. 462 с.

45. Раудин В.В. Изменение общих правил адвокатской профессии // Адвокат. 2014. № 1. С. 3- 14.

46. Самодумов А.Ю. Проблемы судебной практики рассмотрения уголовных дел с участием присяжных заседателей // Судья. 2016. № 5 С. 31-39.

47. Сапов Е.Ю. Адвокат как представитель свидетеля в уголовном процессе: функции и полномочия: автореферат дис. ... канд. юрид. наук. Самара, 2012. 20 с.

48. Семенцов В.А. Избранные статьи по уголовному процессу. Краснодар: Просвещение-Юг, 2013. 593 с.

49. Смоленский М.Б. Адвокатская деятельность и адвокатура Российской Федерации, 3-е изд., испр. и доп. Ростов на Дону, 2004. 256 с.

50. Стецовский Ю.И. Уголовно-процессуальная деятельность защитника. М., 1982. 174 с.

51. Тарасов И.С. Адвокат как участник процесса доказывания в уголовном судопроизводстве // Вестник Нижегородского госуниверситета им. Н.И. Лобачевского. 2014. № 3(2). С. 226-339.

52. Уголовно-процессуальное право (Уголовный процесс): учебник / под ред. Ендольцевой А. В., Химичевой О. В., Клешиной Е. Н. М.: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2014. 727 с.

53. Уголовно-процессуальное право РФ: учебник / отв. ред. Лупинская П.А. М., 2011. 1072 с.

54. Уголовно-процессуальный кодекс РФ с последними изменениями и дополнениями // СЗ РФ. 2001. № 52. Ст. 4921.

55. Федеральный закон «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» от 31.05.2002 № 63-ФЗ (последняя редакция).

56. Фомин М.А. Защитник в судебных прениях: речи адвоката. М.: Юрлитинформ, 2009. 430 с.